

Стенографический отчет

XXXI Чтений гуманитарного семинара: «Русское зарубежье в 20-е – начале 30-х гг. XX в.: Православие. Эмиграция. Национальное меньшинство»

С участием доктора филологии **Юрия Сидякова**, о. **Яниса (Калниньша)**, доктора исторических наук **Александра Гаврилина**, историка **Бориса Равдина**, ведущего специалиста отдела публикаций Исторического архива Эстонии (Тарту, Эстония) **Татьяны Шор** и преподавателя Рижской православной духовной семинарии **Зинаиды Никулиной**

10 апреля 2008 г.

Комментарии **Сергея Мазура**

Сергей Мазур:

Уважаемые коллеги, дамы и господа! Я рад приветствовать вас на XXXI Чтениях гуманитарного семинара. Тема сегодняшнего семинара – «Русское зарубежье в 20-е – в начале 30-х гг. XX в.: Православие. Эмиграция. Национальное меньшинство». Я хотел бы представить председателей сегодняшних Чтений – историка Бориса Анатольевича Равдина, журналиста Андрея Владимировича Петрова, а также участников семинара – Юрия Владимировича Сидякова, о. Яниса (Калниньша), эстонского архивиста Татьяну Кузьминичну Шор, преподавателя Рижской православной духовной семинарии Зинаиду Алексеевну Никулину. Надеюсь, профессор Латвийского университета, доктор исторических наук Александр Валентинович Гаврилин подойдет ко второй части нашего семинара.

Мне придется занять немного вашего времени. Дело в том, что сегодняшний семинар приурочен к изданию специального выпуска Альманаха (XIV Альманах «Русский мир и Латвия: Из архива св. священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера). Письма и документы». Том I, подготовленный к изданию Ю.Л. Сидяковым. Рига 2008). Это многолетний труд, осуществленный профессором Латвийского университета, доктором филологии Юрием Львовичем Сидяковым, который я держу в руках, – уникальный исторический источник. Он может дать ключи к пониманию достаточно сложной ситуации, сложившейся в Русском Зарубежье в 20-е, начале 30-х гг. XX столетия, да и в Русском мире в целом.

Наше сотрудничество с Юрием Львовичем Сидяковым началось с публикации первого Альманаха 16 сентября 2004 г. Именно в первом номере Альманаха удалось собрать своеобразное ядро текстов, характеризующих сложную ситуацию 20-х – начала 30-х гг. Напомню ключевые статьи по этой теме: «Русская эмиграция в 20-е и 30-е гг.» и «Латвийская православная церковь в 30-е гг. XX в.» А. Гаврилина, «Воспоминания архиепископа Иоанна (Поммера) Ю. Сидякова, «Раннее старообрядчество» А. Подмазова... Правда, мы просили Арнольда Андреевича подготовить публикацию о старообрядчестве Латвии XX века и надеемся, что этот

замысел рано или поздно реализуется. К ключевым текстам I Альманаха «Русский мир и Латвия: прошлое – настоящее – будущее», конечно, необходимо отнести статью безвременно ушедшего от нас историка Латвийского университета Иманта Медниса «Место русских политических партий и организаций в политической жизни первой Латвийской республики (1918–1934 гг)». Блок текстов, который я перечислил, по-моему, не потерял актуальности до сегодняшнего дня.

Если вы полистаете XIV Альманах, то, безусловно, заметите, что сборник делится на пять частей. Я не буду характеризовать все пять частей, остановлюсь только на первой, т.к. именно первая часть вводит читателя в запутанный мир послереволюционных отношений.

Я ловлю себя на мысли, что российская революция, Гражданская война и тот мир, который стал наследником жестокой эпохи, остается мне непонятным. Конечно, что-то я читал, что-то слышал, но чем дальше, по крайней мере, с 1991 г., в медийном пространстве оценки той эпохи становятся все более плоскими, близкими к чернотой тону. Нет той надрынности, психологического кризиса, страха, который явно ощущается в богатейшем эпистолярном наследии единственного святого Русской православной церкви Латвии – архиепископа Иоанна (Поммера).

Для иллюстрации позволю прочитать один фрагмент из воспоминаний архиепископа Иоанна (Поммера) пензенского периода об «озорстве» и произволе тогдашних властей:

«В Преполовение Пензу «завоевали» чехословаки, пробивавшие себе дорогу с Дона на восток. Пятьсот храбрецов разбили гарнизон Пензы. Комиссары разбежались. Три дня дышалось свободно. Но чехи проследовали с боем на восток. Комиссары вернулись. Марксистский режим продолжился с удвоенным озорством. Пошли вновь обыски, допросы и озорная пальба по живым мишеням за «здорово живешь». В августе озорной комиссар Кузнецов приказал отряду солдат стрелять по мне в храме, но солдаты не исполнили озорного приказа. Высшей меры озорство достигло в

сентябре в связи с выступлениями эсеров в Москве. В Пензе комиссары наловили сотни заложников, не из эсеров, а по произволу, и открыли дикое избиение их. Изо дня в день комиссар Власов с вооруженным отрядом появлялся во дворе места заключения и на виду у заключенных тут же во дворе производил «уничтожение» заложников. Без следствия и суда, в порядке нумерации камер, выгоняли заложников во двор и убивали. За все время операции трупов не убрали. Вместе с трупами во дворе лежали и «неудачно» расстрелянные, надрывая душу стонами и воплями» и т. д.

В первую часть тома вошли «Материалы, связанные с Пензенским периодом служения». Прочитав строки из предисловия Ю. Сидякова: в первый том «... включены документы, относящиеся к пензенскому периоду служения архиепископа Иоанна – это и воспоминания самого Владыки и написанный кем-то из его знакомых отражающий этот период жизни биографический очерк, а также большое количество писем его пензенских духовных чад, отправленных вскоре после перемещения архиепископа Иоанна на Рижскую кафедру».

Наверное, многие участники сегодняшнего семинара далеки от тех проблем, с которыми столкнулась Россия в лихие 20-е гг. XX столетия.

История Православной церкви составляет существенный срез той, ушедшей в прошлое, эпохи. Дело не только в суровом столкновении новой власти с Православной церковью, ее изживания с этой грешной Земли разными способами, но во внутреннем расколе самой церкви, проявившемся в борьбе с обновленческим движением, «путятинской смутой», так ярко отраженной в материалах, связанных с пензенским периодом служения архиепископа Иоанна (Поммера). Это время оказалось богато на разного рода авантюристов вроде Владимира Путятя. Иногда кажется, что подобные личности составляли характерный тип послереволюционной эпохи. Это чистой воды авантюристы, удивляющие своей неиссякаемой пассионарностью в борьбе за церковную власть, игнорирующие не только церковные правила, но и элементарные нормы нравственности. Обычно такого рода личности в конечном итоге добивались до вершин карьеры. Но в Пензе на их пути оказался архиепископ Иоанн (Поммер), сумевший в крайне сложных условиях отстоять институт православной веры. Иногда кажется, что та отдаленная эпоха представляется столкновением не столько абстрактных политических сил, а конкретных типов людей, воплощенных, с одной стороны, в личности типа авантюриста Владимира Путятя, а с другой стороны, в личности святого Иоанна (Поммера). Мы привыкли к тому, что люди, которых мы оцениваем в категориях нравственности, в жизни оказываются пассивными, не способными к реальным жизненным делам. Их удел – молчание или тихое говорение где-то на кухне об ужасах нынешнего времени. Но не такой был Иоанн (Поммер). Он явно способен действовать, организовывать жизнь в разваливающейся епархии, противостоять властям, противостоять такого рода проходимцам, как Владимир Путятя. Если у

вас будет время, прочитайте дома внимательно в первой части сборника раздел «Архиепископ Иоанн в Поволжье в 1918–21 гг.». Замечательный фрагмент!

В разделе «Архиепископ Иоанн в Поволжье в 1918–21 гг.» идет сравнение двух личностей: Владимира Путятя и Иоанна (Поммера).

Позволю себе зачитать еще один интересный отрывок из данного раздела.

Владимир Путятя

Первая по времени «Новая народная церковь» была основана Владимиром Путятю в Поволжье (Пенза) в 1918 году. Основатель ее провел свое детство в непристойном доме, который содержала его мать, впоследствии вышедшая замуж за генерала Путятю. Это дало возможность Владимиру получить высшее военное образование и войти в высшее общество. Испорченный с детства юноша находит себе компанию среди «золотой молодежи», и жизнь полная разврата доводит эту молодежь до падения. Высокие покровители советуют молодежи искать спасения в религии. Разложившийся морально Владимир Путятя подняться не мог. Высокие покровители дают ему ряд ответственных постов в церковной иерархии, но он только дискредитирует покровителей. Собор епископов выносит постановление предать его суду и лишить сана, но высокие покровители не внемлют голосу Церкви и за сотни, тысячи верст проводят Путятю епископом из одной епархии в другую. Началась революция. Пали высокие покровители. Всероссийский церковный собор лишает Путятю сана и предает его анафеме. Развращенный с детства, с начальными признаками тяжелой душевной болезни (последствия бурно проведенной молодости), Владимир Путятя идет в объятия новых интернациональных покровителей, является первой ласточкой «Живой церкви», а мотивы низменные – месть за отвержение от Православной Церкви, подделывание под большевиков и жажда грубых животных наслаждений. Это было время мутной воды в России. Казалось, Маркс побеждает Христа. И рыболов Путятя вносит смущение в Православную Церковь».

Иоанн (Поммер)

«Сын крестьянина-земледельца, будущий архиепископ Иоанн родился в семье, привыкшей вести борьбу с тяжелыми физическими условиями почвы, климата и не менее тяжелыми моральными еще не изжитого феодального землепользования; учеником низшей школы пасет стадо, семинаристом и студентом духовной академии помогает отцу в сельских работах, хорошо справляясь с плугом и косой, спокойно относится к ложному взгляду на крестьянский труд как на низкий, по окончании курса несет ответственные посты и всюду является человеком долга, сознающим всю важность принятых на себя обязанностей – пастыря и члена Православной Церкви. Взыскательный по отношению к другим, он более всего строг по отношению к себе. Сын деревни, он любит и ценит труд. Отец его сеял семена злаков, а сын сеет семена духовные, сеет твердо и настойчиво с полным убеждением, что будут плоды. Молодой епископ в Пензе. Конечно, официальной

встречи нет, архиерейские покои не подготовлены, они и загрязнены, в них разврат и пьянство, в них еще не приведенные к дисциплине красноармейцы. От официальной Пензы епископ получает от жилищного совета 30 сентября 1918 года за № 2035 мандат «на занятие певческой комнаты при Покровской церкви с кухней с платой за его счет по установленной таксе». В июле месяце 1919 года архиепископ призывается в военный комиссариат и зачисляется в тыловое ополчение, причем вопрос об освобождении от военной службы тянется до декабря 1920 года, когда губернский военный комиссариат «на основании ходатайства прихожан 13 церквей города Пензы постановил: освободить архиепископа Пензенского и Саранского Иоанна от призыва в тыловое ополчение на все время занимаемой им должности». Характерно и следующее удостоверение от Пензенской губернской следственной комиссии революционного трибунала от 21 июня 1919 г. за № 1981, что архиепископу «разрешается выезд из города Пензы в село Валяевку и Терновку для совершения церковной службы с 22 по 23 июня».

Эти выписки имеют несомненное историческое значение и указывают, как относилось советское правительство к лицам, стоящим во главе Православной Церкви. Но этого мало. Достаточно было ничтожного повода, или правильнее, без всякого повода, чтобы архиепископа Иоанна заключить в тюрьму. Благодаря счастливой случайности, скажет рационалист, а верующий – благодаря Промыслу Божию, архиепископ Иоанн не был расстрелян в Пензе, а переведен в московскую тюрьму, где был помещен после допроса в общей камере с уголовными преступниками. Вот что рассказывает свидетель пребывания архиепископа в тюрьме: «Однажды ночью в тюремную камеру был доставлен обмороженный в опьянении хитровец. Увидев архиепископа в одежде священника, он пробовал цинично издеваться, но был остановлен своими же уголовными товарищами, которые сказали ему, что это архиепископ Пензенский. Тогда хитровец долго повторял: «Со всякого рода людьми приходилось сидеть в тюрьме: с купцами, баронами, графами и князьями, а с архиереем в первый раз!». Владыка же полный христианского милосердия к новому сожителю отогревает его, кормит и ухаживает за ним, и такое христианское отношение пробудило в хитровце добрые чувства, он стал незаменимым помощником и верным охранителем Владыки. Вместе они переносят на носилках тифозных больных, вместе несут тяжелую грязную работу за ввалившимися в беспамятство тифозными, и впоследствии, когда Владыка был освобожден из тюрьмы, этот хитровец присылает Владыке из Москвы в Пензу письмо с признательностью за пробуждение добрых чувств и с просьбой быть ближе к Владыке. Узник-архиепископ делится со своими товарищами по несчастью продуктами, бельем, теплою одеждою, нередко дает тяжелобольному свою собственную подушку, но будучи санитаром-чернорабочим в тюрьме, архиепископ продолжает за 800 верст от Пензы управлять своей епархией: она ему верна, слезно молит о спасении своего Владыки и постоянно навещает его в тюрьме, а проехать в то время

из Пензы в Москву – это значит получить сыпной тиф, причем некоторым это стоило жизни. Однажды ночью увезли Владыку из тюрьмы, все провожают его как на верную смерть, но благодаря Промыслу Божию Владыка остался жив. Он снова в своей епархии, переполнена Покровская церковь, служит Владыка, вернувшийся из тюрьмы, горячо молится паства за его спасение, весь переполненный храм рыдает: это слезы радости. Радуются и обитатели Московской тюрьмы, что Пензенский Владыка остался жив. И долго память о величии духа этого большого человека будет жить среди православных Поволжья».

Дамы и господа!

Как прокомментировать этот документ? Наверное, слова «крайне сложные условия» звучат как-то неубедительно в сравнении с жизненными обстоятельствами, о которых написал сам архиепископ. Аресты, «дикое избиение», «массовый террор»... Православная церковь в России стояла, по словам Иоанна (Поммера), вне закона и защиты закона. В Латвии в первые годы ее существования, ситуация была куда более «сглаженной», чем в России. Но православие здесь воспринималось наследием Российской империи.

В этих обстоятельствах, при разрушении старых институтов и несформированности общества, личность может заменить социальные системы. И, как заметил отец Янис (Калниньш) в тезисах к сегодняшнему семинару, личность архиепископа Иоанна (Поммера) служит ключом к пониманию эпохи.

В ближайших номерах Альманаха «Русский мир и Латвия» мы начнем публикацию документов из архива о. Яниса (Калниньша). В этих источниках развертывается картина, которую можно обозначить как нештучную борьбу за доброе имя архиепископа Иоанна (Поммера). Также мы хотим опубликовать фрагменты выступлений архиепископа Иоанна (Поммера). Слово святого должно быть опубликовано и прочитано!

Я с удовольствием передаю слово специалистам специалистам по теме «Русское Зарубежье».

Татьяна Шор

Я работаю в Историческом архиве Эстонии больше 30 лет. Мы вместе с Юрием Львовичем Сидяковым в один год окончили Тартуский университет. Сначала я работала в исторической библиотеке, затем с фондами, поэтому свободно ориентируюсь в нашем миллионном архиве. Мои интересы довольно-таки широкие. Я занимаюсь проблемами источниковедения староверов. Для этой темы был выделен специальный грант эстонского научного фонда. Еще один грант позволил заниматься темой русского меньшинства в Эстонии с 1918 по 1940 гг., по окончании работы вышла монография. В настоящее время мы вместе с Галиной Михайловной Пономаревой занимаемся темой русской культуры в Эстонии в период между Первой и Второй мировыми войнами.

В связи с этой работой приходилось заниматься профессиональными проблемами всех нацменьшинств в очень непростой период истории Эстонии. Поэтому Гуманитарный семинар нам должен помочь разобраться

в сегодняшней ситуации, поскольку она во многом повторяет 30-е гг. XX века. Например, у нас конфликт сторонников Московской и Константинопольской патриархии. Он актуален и сегодня. Ситуация несколько улучшилась, но все-таки единой православной общины в Эстонии нет.

Сергей Мазур

Благодарю вас.

Юрий Львович, можете вы рассказать, над чем вы сейчас работаете, почему обратились к столь запутанной, сложной теме, связанной с именем архиепископа Иоанна (Поммера)?

Юрий Сидяков

Тема эта у меня давно. А обратился я к ней тогда, когда оказалось это возможным, потому что материал был закрытым и никого к нему в советское время не допускали. Единственным исследователем, допущенным к фонду, был Барбарицкий, который выпустил в хрущевские времена ряд книг, в том числе и сборник документов архива. Для своего времени, несмотря на всю свою тенденциозность, даже некую неприятность, потому что там подбирались исключительно документы, компрометирующие лиц и Церковь православную, но при всей заданности издания, материалы книги очень интересные. К сожалению, способности и талант были потрачены на тенденциозную и конъюнктурную работу. Но уже эти издания, которые в какой-то степени могли познакомить с фондами, связаны с историей Православной церкви, и которые, как я уже говорил, были закрыты для использования в историческом архиве. Меня они очень интересовали. Когда у меня оказалась возможность с этими фондами работать, я начал исследование. И ряд публикаций был мной осуществлен. И не только мной, вот и отец Янис подготовил два выпуска материалов.

К сожалению, это очень мало, потому что фонд владыки Иоанна огромный. Там более 60 дел, более семи тысяч листов. Фонд, в котором, честно говоря, очень трудно разобраться, потому что он не разобран, листы документов перепутаны, перемешаны, в плохом состоянии, многие повреждены. Поэтому пришлось потратить много лет для того, чтобы в этом архиве разобраться. И я в разных периодических изданиях публиковал исследования, большую часть в Альманахе гуманитарного семинара. Какие-то части архива публиковались в даугавпилсских сборниках «Славянские чтения», в Америке в «Балтийский сборник» вошла переписка архиепископа Иоанна с митрополитом Евлогием. И сейчас большую часть, не весь архив, но переписку, которую вел владыка Иоанн, мне удалось разобрать, еще кое-какие хвосты остались, поэтому сейчас я стараюсь все это собирать вместе. И первый том удалось опубликовать в Альманахе Гуманитарного семинара. Вот еще предстоит в будущем году издать второй том. Я постарался, чтобы тематически первый том был связным. И материал, который вошел в него, это те тексты, которые связаны с историей Православной церкви. В 20-е–30 годы такие государства, как

Латвия, назывались лимитрофными, т.е. это были бывшие окраины Российской империи, которые стали независимыми после революции. Кроме Латвии это Литва, Эстония, Финляндия и Польша. Документы, которые касаются положения Православной Церкви в этих государствах вошли в первый том. Трудно в кратком слове обстоятельно рассказать о работе, об архиве, о документах, но, как я знаю, предполагаются на семинаре ответы на вопросы. Если какие-то конкретные вопросы мне будут заданы, я постараюсь ответить на них.

Сергей Мазур:

Спасибо.

Отец Янис, над чем вы сейчас работаете?

Отец Янис:

Фактически до этого все сделанное мною издано на латышском языке. В свое время у меня была возможность скупить почти весь архив архиепископа Иоанна. Конечно, я воспользовался такой возможностью. Купленный архив стал основой для исследования. Когда я начал копаться в этом архиве, я понял, что если я начну говорить правду об архиепископе Иоанне (Поммере), то люди просто не поверят. Поэтому я издал на латышском языке в 1992 или 1993-м годах два сборника документов, которые я вообще отказался комментировать, потому что эти документы говорят сами за себя. Конечно, я не издал все, только ключевые места.

Дальше, копаясь в документах, я поразился потому, что официальная позиция Московского Патриархата очень во многом отличается от позиции самого архиепископа Иоанна: взгляд на историю, на исторические факты как в России, так и в Латвии. И, конечно, я занялся исследованием этого. В прошлом году я опубликовал книгу «Латышская православная церковь. Комментарии к истории». После этой книги митрополит Латвийский и Рижский Александр лишил меня сана. Так он поступил со мной за публикацию исторических источников. Потом начались другие вещи: меня даже исключили из Церкви. Секретарь Синода объявил, что я уже не православный, хотя, когда я недавно был на аудиенции у другого патриарха, я не скажу у какого, он меня так по-дружески, по-братски обнял, сказал, чтобы я успокоился, меня официально пригласил на свою службу.

Значит, я на своей родине, латыш, не могу войти ни в одну православную церковь, я не имею возможности даже причаститься, исповедоваться, а там, за границей, могу. И, слава Богу, люди заботятся обо мне, и латыши, и русские.

Мне, конечно, предлагали через других лиц место служения во Франции, Австрии, Германии, но у меня свои мысли, свои обстоятельства насчет этого, я пока воздерживаюсь, я хочу здесь остаться. Мне пришло небольшое письмо из России, там священство меня тоже поддерживает, я немножко прочитаю его. Оно меня немножко тешит:

«Дорогой отец Янис! Вы напрасно принимаете действия Кудряшова всерьез. За совершенные против вас действия он подлежит извержению по каноническим правилам. Фальсификация церковного суда, необосно-

ванное извержение из сана, незаконное отлучение от церкви, хищения церковного имущества дают для этого достаточные основания. Если мы не будем принимать в расчет его личные качества, то сам факт извержения ни по канону, ни по уставу РПЦ не имеют силы, поскольку нет решения суда, нет утверждения его ни митрополитом, ни патриархом. Канонически вы являетесь протоиереем, как и были. И ваше отлучение – фикция, которую нет оснований принимать всерьез. Другое дело, вы не можете практически служить и вам негде причаститься. Но причащаться можете со спокойной совестью, если будет, где причащаться».

Вот в таком положении я нахожусь и продолжаю работать. Слава Богу, у меня сейчас много времени, я усердно занимаюсь историей. И дальше изучаю архив архиепископа Иоанна Поммера более подробно, а также историю Русской Православной Церкви. Я надеюсь, что в ближайшем будущем мне удастся закончить еще пару книг. Но, конечно, я думаю и пишу на латышском языке, не на русском.

Сергей Мазур:

Спасибо, отец Янис.

Зинаида Алексеевна, над чем вы работаете?

Зинаида Никулина

Хотелось бы сказать словами из моей статьи «Общественные организации русского населения Латвии и православного духовенства в 20-е–30-х гг. XX века», опубликованной в 6-м сборнике «Православие в Латвии».

Латвийская православная церковь принимала активное участие во всех крупных мероприятиях русского населения 20-х–30-х гг. XX века. Православные священники входили в состав практически всех ведущих общественных организаций русского населения Латвии, часто даже направляли их работу.

Как известно, революция 1917 года разрушила Россию и привела к появлению Русского Зарубежья, о котором мы говорим на сегодняшних Чтениях. Латвия стала одной из стран Русского Зарубежья, создавшего совершенно новые условия жизни теперь уже русского национального меньшинства. В условиях потери связи с Родиной перед русским населением Латвии актуальная задача – сохранение своей культурной идентичности, нравственное осмысление последствий краха христианской государственности в России и поиск путей сохранения своей общности. Стержнем России за рубежом, делавшим ее единым организмом в 20-е и 30-е гг., стала Православная церковь.

Общественная активность русского населения Латвии проявлялась, главным образом, через деятельность многочисленных общественных организаций, как берущих свое начало со времен царской России, так и возникших в Латвийской республике. После провозглашения независимости Латвии общественную жизнь пришлось восстанавливать заново. Центром стала Рига, так как именно здесь была сосредоточена основная масса русской интеллигенции, пополнявшаяся за счет беженцев из России. Но общественная жизнь не

ограничивалась столицей. Русские общества были созданы почти всюду, где компактно проживало русское население. Наиболее благоприятным для развития общественной активности был период парламентской республики (1920–1934 г.). Согласно Закону об обществах, союзах и политических организациях (1923, 1924, 1926, 1933 гг.) жители Латвии имели право свободно объединяться в те или иные общества, если их деятельность не противоречила законам государства. Архиепископ Иоанн (Поммер) положительно относился к деятельности обществ и сам участвовал в этой работе.

Сергей Мазур

Позвольте обратиться к статье, которая, по крайней мере, для меня, стала исходной для подготовки семинара. Это статья Александра Валентиновича Гаврилина «Русская эмиграция в Латвии в 20-е–30-е годы». Опубликованная в первом номере Альманаха, Маленький эпиграф, а потом один момент, который повернул мой умственный взор к такому моменту. Эпиграф такой: «На положение сирот архиепископа священномученика Иоанна: Без отечества, без родины, без души родной в целом человечества людей исчисляемых миллионами и от одиночества эмоционально переживается еще стократ тяжелее, чем одиночество личное. Лишь у того единого, великого одинокого беспредельно одинокого, которого в страданиях сегодня вспоминаем. Одинокое, безответное сиротствующее сердце может обрести утешение, обратите еще раз взор к нему».

Читая статью Александра Валентиновича Гаврилина «Русская эмиграция в Латвии в 20-е–30-е годы», я хотел бы обратиться к высказыванию Зинаиды Алексеевны, что именно в 20-е годы для русского населения Латвии особое значение имела Православная церковь.

К началу Первой мировой войны на территории Латвии проживало около трехсот тысяч великороссов, белорусов. Первая мировая война и последовавшая за ней Гражданская война значительно сократили численность населения в Латвии. В результате, в 1920-м году русское население уже составляло 24 тысячи, и более двух третей населения проживало в Латгалии. Оно проживало не в городах, а на селе. То есть сама структура общества, сама реальность как бы говорила о том, что русское население было малообразованное, вообще русские были плохо подготовлены к каким-либо переменам. В статье Иманта Медниса было ясно показано, что политическая структура Латвии не была готова к тем вызовам. Единственно, к кому могли обратиться взоры при этой неразвитой политической и общественной жизни – была Православная церковь.

И вот мы начинаем как раз с вашей статьи, Александр Валентинович, где проводится такая мысль, что в эту критическую эпоху взоры людей обратились к Православной церкви, но церковь была не готова к благотворительной деятельности. Очень коротко, прокомментируйте это положение.

Александр Гаврилин:

Я объясню. Обсуждение положения церкви началось только с 1905 года. Тогда это выплеснулось на

страницы печати, интеллигенция об этом говорила вместе со священниками. Но, к сожалению, как вы помните прекрасно, государь император разрешения на созыв Собора так и не дал. Но Собор собрался, как вы помните, и ему пришлось разойтись под штыками большевиков. В результате у церкви отобрали возможность общения с людьми, обсуждения своих внутренних проблем. Попытки Русской православной церкви заняться широкой благотворительной и миссионерской работой пресекались. Благотворительность Православной церкви проявилась только во время Первой мировой войны. Церковь повсеместно организовывала лазареты, занималась организацией госпиталей и так далее. И честь и хвала церкви за это, конечно. А до этого, по сути, такой возможности не было.

Сейчас в России очень часто слышатся странные возгласы: мечтают о синодальном периоде: вот какая была золотая эпоха, мы были богатые, когда государство предоставляло нам субсидии, предоставляло финансирование, но это самая мрачная эпоха в истории Русской православной церкви. Мрачнее быть не может, когда церковь подчинена государству, когда основная часть аппарата является бюрократией, когда священники по сути чиновники и когда по духовному регламенту Петра Первого священники обязаны заниматься профилактикой преступлений. То есть если священник на исповеди услышал о готовящемся преступлении, он в обязательном порядке должен сообщать в жандармерию, это ужас! Не дай Бог, такое повторится в России в наше время. Поэтому отвечаю на ваш вопрос: ситуация в 20-х годах какой была, такой была. Да, да, тогда было другое духовенство, сформированное семинарским образованием. И тогда, если архиерей, значит обязательно у него за плечами духовная академия. Кто попало не становился священником, только свои люди.

Духовное образование в Российской империи – обязательный комплекс мероприятий. Всегда обер-прокуроры представляли императору кандидатуры, по крайней мере, и он старательно выбирал: какая же кандидатура более достойная. И обязательно, если назначался на архиепископство, он обязательно имел аудиенцию у государя императора. Государь император с каждым кандидатом говорил, проверял его, так сказать, нужен такой священник Российской империи или нет. Но такой возможности общения, прямого общения с людьми, бесконтрольного общения не было.

Сергей Мазур:

Уважаемые коллеги, есть ли у кого-то еще комментарии, потому что это очень важный момент. Итак, из статьи Александра Валентиновича вытекает утверждение о том, что взоры обратились в 20-е годы на Православную церковь, но Православная церковь не была готова к благотворительности. Есть ли комментарии к этому вопросу?

Борис Равдин:

На мой взгляд, положение Русской православной церкви в России несмотря на то, что оно было далеко не блестящим, все же несравненно лучше, чем положение

в 20-е и те же 30-е годы. Более того, тот опыт общественной деятельности, которую получила Латвийская православная церковь в 20-е и 30-е годы, активнейшим образом реализовался в 1941–1944 году, т.е. в годы немецкой оккупации на территории Латвии и на территории Запада, т.е. Псковской, Ленинградской и отчасти Новгородской областях. Я хочу сказать, что Латвийская православная церковь, оказавшись вне государственного предназначения, в наибольшей степени в 20-е и 30-е годы и во время войны занималась непосредственно своей собственной задачей – воспитанием слежения духа, образованием, поддержкой, благотворительностью и всеми остальными евангельскими заповедями, которые ... отчасти в России были отняты государством. А здесь, поскольку государство элиминировало Латвийскую православную церковь от занятий государственной деятельностью, она была предназначена к тому, к чему и была предназначена.

Отец Янис:

В 1920-м году патриарх Тихон, бывший церковный совет, дали такое постановление, что те церкви, которые находятся вне Советской России, могли объявить себя канонически самостоятельными. И это основа всего. Патриарх Тихон говорил о канонической самостоятельности. Говорили, что в Латвии архиепископ Иоанн превысил свои полномочия, – с этим я не согласен. Я специально достал устав Православной церкви Константинополя и устав архиепископа Иоанна. В Уставе архиепископа Иоанна нет ни одного слова о подчинении Московской патриархии.

Юрий Сидяков:

Я бы хотел внести некоторые коррективы. Иоанн Помер занял такую позицию, когда он мог не нарушить этот канон, потому что, я просто по факту буду отвечать, здесь ни национальность, ни конфессиональная принадлежность, а чисто факт исторический. Первое, это то, что касается указа патриарха Тихона 20-го года, на который все ссылались. Речь там ни в коем случае не шла о том, какая церковь окажется за границей. Епархия не воспользовалась правом стать автокефальной, независимой. Еще раз повторяю: это было время, когда невозможно было жить по канонам. Это была трагедия, которая создалась в результате той исторической ситуации. А в принципе, действительно, архиепископ Иоанн оказался в той ситуации, когда формально он не мог не нарушать церковных правил.

Борис Равдин:

Я хотел сказать, что почти все окраины России оказались в похожем положении. Все опасались, что Русская православная церковь, Московская, будет проводником политики государственной и поэтому всячески стремилась продемонстрировать свою неопределенную, на самом деле, позицию. Поэтому архиепископ Иоанн Помер говорил: «Об автокефалии глаголю, во внутренних обращениях». В то время, как на высоких трибунах говорили о независимости Латвийской Православной церкви, в действительности независимос-

ти не было, но не было и зависимости. Было какое-то неопределенное положение, в котором любая историческая подвижка могла заставить Православную церковь как Латвии, так Эстонии, так и Литвы занять любую позицию, опираясь на какие-то разумные доводы. Как говорил Юрий Львович, здесь было нарушение со всех сторон, и главная задача, главная проблема заключалась не в нарушении канонического правила, а в нарушении сложных взаимоотношений с Москвой, с Россией, с Советской Россией в большей степени, нежели с Московской патриархией. Что касается ареста эстонского епископа Булина, о котором говорила Татьяна Шор: в 40-м году, в 41-м, как правило, православных священников, находившихся при должности, не арестовывали. Точно так же не арестовывали и иудейских священнослужителей, потому что собирались через православных и через иудейских священнослужителей воздействовать на паству в нужном, государственном направлении. Арестовывали лютеранских и католических священников, которые занимали не только конфессиональную, принципиальную, но и национальную позицию. Поэтому арест Булина в сороковом году – это некоторое исключение из традиционной практики НКВД в обращении со священнослужителями православно-вероисповедания. После революции патриарх Тихон назначал иерархами, как правило, лиц коренной национальности.

Сергей Мазур

Спасибо. Отец Янис, у меня вопрос к вам. Почему вы считаете архиепископа Иоанна (Поммера) ключом к пониманию событий эпохи 20-х, 30-х гг. XX столетия, по крайней мере, в Латвии?

Отец Янис:

Я уже говорил, что за то, что я написал, я уже поплатился, но все равно не могу говорить просто так. Мне хочется говорить по сути. Об архиепископе Иоанне в архиве есть глава «Архиепископ Иоанн в Поволжье». Там есть такие слова: «Имя Иоанна Поммера занесено в книгу «История Русской православной церкви» и никакие силы не запятнают этого честного, стойкого борца за Православие». Столько лет архив лежит, – и все сбывается. И дальше: «В возродившейся истории Россия отдает архиепископу Иоанну одно из первых почетных мест». Я думаю, что с анализом всех этих исторических фактов и архивов все выходит наружу. И далее: «Православным, особенно русским, не следует забывать, что патриархия относилась с полным доверием к архиепископу не только в России, но такое же доверие оказывали в Латвии. Через архиепископа Иоанна шли все распоряжения патриарха Тихона Зарубежной православной русской церкви. Через него шли предупреждения о всех приезжавших из Советской России советчиков (пытавшихся внести разложение Православной церкви). Архивные документы в будущем, несомненно, осветят более выпукло деятельность врагов Православной церкви и роль в борьбе с ними архиепископа Иоанна Поммера».

Вот такие красивые слова. Я думаю, что эти слова

как будто пророческие. Сам архиепископ Иоанн, вспоминая эти годы, говорил, что «когда я оглядываюсь на круг тех событий, свидетелем и участником которых я в течение трех лет и восьми месяцев был в Совдепии, увиденное и пережитое кажется кошмарным сном, в котором нелегко разобраться, описать же почти невозможно. И потому, что он очень уж сложен, и потому, что писать и говорить про него тяжело и больно, особенно, когда перебираешь в памяти длинный ряд годов, предшествовавших кошмарным годам».

И, конечно, когда читаешь некоторые места из архива, они сплетаются с другими местами из других источников. И там есть такие слова, что патриарх Тихон, когда архиепископ Иоанн был уже по дороге в Латвию, обратился к нему с просьбой как-то взять под свою опеку все Зарубежье, всех тех русских, всю ту церковь, которая находится вне Советского Союза. Архиепископ Иоанн от этого отказался. Это стало известно всем остальным епископам. Но и все равно так вышло, что он был координатором Зарубежья. И все остальные епископы Российской православной церкви об этом узнали, знали и в каких-то вещах все равно обращались непосредственно к архиепископу Иоанну. Ситуация там была, как мы знаем, очень сложная. Когда архиепископ Иоанн обращался к другим, он говорил так: «Глубоко сожалею, никаких официальных изданий, ни периодических, ни единовременных, Православная церковь в России давно уже не имеет. Поэтому распоряжение святейшего патриарха Тихона будет опубликовано путем писем и иногда даже путем устной передачи. И лишь изредка через советскую печать». И тут в одном из следующих писем он говорит: «Вашу просьбу в настоящее время могу исполнить лишь отчасти. Православная церковь Совдепии в настоящее время, как и в 23, так и в 20, 21 и 19-х годах лишена возможности что бы то ни было периодически издавать, пользуясь печатным словом, и потому фактически все передается через верных людей из уст в уста». «Мы издали наблюдаем ваши великие, мужественные труды. Искренне радуемся вашим успехам среди тех нестроений, печалей, которые разъедают нашу Русскую православную церковь. Руководство церковью архиепископа Иоанна было настолько правильным, что это была отдушина в бездушном мире».

Архиепископ Иоанн написал много статей. У него есть статья «Будет ли в России православный патриарх». В этой статье он указал на возможность такого термина, как советский патриарх, он говорит, что это возможно: «Уже при патриархе Тихоне, как это видно из советской прессы, делаются попытки влиять и давить на патриарха Тихона и его окружение в этом направлении. Патриарх Тихон и его окружение не поддавались этого рода давлению, и настанет время, когда церковная власть поддастся этим внушениям и давлениям и станет делать то, что ныне сделали авторы обращения». Потом он говорит о декларации митрополита Сергея 1927 года. Ключевым переворотом в жизни церкви стала смерть патриарха Тихона. Он не говорит, что патриарх умер, а что он погиб. Еще неизвестно, умер ли он собственной смертью. И, конечно, после смерти патриарха Тихона

советская власть поставила самую главную задачу – во что бы то ни стало подчинить церковь НКВД. Об этом говорил и архиепископ Иоанн. Советское правительство думало поставить на место патриарха такого человека, которого можно использовать для подчинения Совдепией Православной церкви.

Такой момент патриарх Тихон предвидел и потому издал этот закон и декрет. Он смотрел в будущее Церкви – он смотрел как настоящий пастырь. Он желал, чтобы Церковь спаслась, поэтому издал в 1920 году указ, что все те части Церкви, которые вне Советской России, они канонически могут организоваться сами.

Приложение:

Документы из архива о. Яниса (Калниньша)

Обращение архиепископа Иоанна Поммера

ОО и ГГ! (прим. – Отцы, государи и господа)

За время пребывания на кафедре Архиепископа Латвии я русских защищал больше, чем латышей. В оправдание такого поведения я говорил: латыши у себя дома, они хозяева дома, они в защите не нуждаются, русские, лишившиеся своего дома, здесь состоят на положении пришельцев, подверженных всяким напастям, их надо защищать. Что моя защита имела реальные и благие последствия, об этом прежде всего свидетельствует мною завоеванное положение «русской церкви» в Латвии и положение русских в этой церкви. Православная церковь из гонимой и утесняемой сделана мною равноправною с прочими церквями. Для русских в православной церкви в Латвии мною обеспечено полное равноправие с латышами. Не только русские латвийские граждане, но и русские иностранцы в церкви Латвии полноправны и как рядовые члены церкви, и как пастыри, настоятели приходов, законоучители и пр. Пресловутого вопроса о правах русского языка в церковной области как бы нет вовсе. Своим языком русские свободно без ограничений пользуются во всей церковной жизни сверху до низу и в приходском, и в общественном масштабе. Здесь русские состоят, если угодно, в привилегированном положении: они не обязаны знать государственный язык, но латыши – члены Синода, благочинные обязаны знать русский язык. В Синоде на благочиннических постах, на настоятельских постах состоят русские, не знающие государственного языка и не желающие его знать, и латыши, члены собора, Синода, благочинные беспрекословно равняются по ним, переходя во всех случаях надобности на русский язык. Мало этого, в кафедральном соборе, этом центре православной церкви, из пятнадцати рядовых служб недельных только одна совершается по-латышски. Терпимость простерта до крайних пределов, не только до равноправия, но до привилегированности русских. И все это мною сделано, невзирая на то, что я сам латыш, невзирая на то, что против меня в латышской среде все время шел и идет ожесточенный ропот. Не только ропот. Против меня принимались репрессивные

меры, не безразличные для моего личного благополучия. Каков же ответ русских и на такое мое отношение к русским правам и интересам? Меня выбрали в Сейм? Но в этом забота русских не о мне, а о себе. В Сейме я свои русофильские мероприятия облек в форму законов страны и в настоящее время описанное положение русских в православной церкви не только факт, но и узаконенный факт. При этом относительно избрания в Сейм необходимо сделать некоторые оговорки: в Сейм я все годы проходил не только русскими голосами, но и голосами православных латышей: за меня подано например по Риге 10 000 голосов, в том числе добрая половина голосов латышских, ибо русский список при выборах в городскую думу, где моей кандидатуры не было, собрал менее пяти тысяч голосов. Еще безразличная деталь. Три раза выбран в Сейм и все три раза все расходы по выборной компании своего округа я покрывал из своих личных средств до последнего сантима. Обычно по окончании выборов все русские организации взыскивали с меня не только то, что ими было затрачено в связи с выборами деньгами, но отдельные работники по выборам брали с меня еще и за труд. Или вы думаете, что расходы эти пустяковые? Мельников, финансировавший выборы по Латгалии, в настоящее время взыскивает с депутата Корнильева 12 000 лат, но эта сумма далеко не полна. В Латгальские выборы мною в дополнение к Мельниковским 12 000 лат израсходовано до 3 000 лат, нес расходы и Корнильев, нес расходы и проф. Трофимов. По этим цифрам можете судить, что и мне выборы по Рижскому округу что-нибудь да стоили, может быть несколько меньше, чем по Латгалии, но не мало. Положение депутата Сейма обязывает на некоторые расходы и после избрания в Сейм. Из регистратуры моей канцелярии вы можете удостовериться, что за три депутатских года в форме всевозможных подаяний уходит больше, чем годовое депутатское жалование. И так, два депутатских жалования уходят на выборы, а третье на подаяния.

Я вынужден говорить об этом потому, что некоторые лица и открыто, и прикровенно бросают мне упрек, что в депутаты я иду потому, это мне лично материально выгодно. Убыточно, но я иду на этот убыток, чтобы принести посильную пользу тому делу, которому служу. Я не говорю уже о тех моральных страданиях, которые причиняет мне из года в год депутатская работа. Пройдя в Сейм, я имел полное право сидеть и не с русскими, но я все годы поддерживаю русских, не взирая ни на что, а ответ русских каков? Политические русские все годы грызут меня и в прессе, и на митингах, и в частном обиходе. В последнем Сейме это грызение дошло до того, что русская фракция отстранила меня от участия в сеймовых миссиях под деликатным предлогом, что мне как латышу тяжело воевать со своими земляками, что эту войну удобнее принять на себя самим русским. Я поблагодарил за деликатную заботливость обо мне и подчинился, ибо другого ничего мне и не оставалось сделать, так как эта точка зрения была выдержана и другими меньшинственными депутатами. Меня устранили как латыша из ненависти к латышу, хотя я все годы был тем единственным латышом, который безбоязненно

но выступал за меньшинства. Но этого мало. Против меня и в прессе, и на митингах подняли отчаянную травлю, ведомую и в частных беседах. В основе всей этой травли лежит глубокая и непримиримая латофобия, которую я считаю такой же ошибкой, как и русофобию. Когда травят Кениньша, Брейкша и Скуйнека, понятно, что их травят за русофобию, но когда травят Архиепископа Иоанна, то всякому ясно, что налицо абсолютная латофобия, готовая стереть с лица земли всякого латыша только потому, что он латыш, хотя бы даже тот единственный латыш, который имел мужество в течение десяти лет открыто и мужественно выступать на защиту меньшинств не взирая ни на что. Что такая огульная латофобия меньшинствам не полезна, это показывают текущие события. Русские меня отстранили от участия в Сеймовых комиссиях. Что же, удалось им самим сесть в те комиссии, которые ранее занимал я? Ни в одну. Что же меньшинственные чистокровные представители защитили в тех комиссиях меньшинственные интересы лучше меня, в которых они сели вместо меня? Возьмем для примера Думу культурного фонда. Я заседал и в малой, и в большой Думе. Ныне в малой Думе, которая в сущности и решает все дела, меньшинственного представителя уже нет. При мне по ряду важнейших параграфов меньшинства получали полностью свой процент. Ныне не получают ничего. Во всех комиссиях русские представители теряют и теряют. Почему? Говорят, переменялись настроения латышских кругов, воцарилась голая русофобия. Верно. Но почему воцарилась? Не потому ли, что еще раньше в русских кругах воцарилась голая латофобия, готовая с грязью мешать все латышское и всех латышей, а особенно тех латышей, которые грешили русофильством. Ведь Кениня и Скуйнека поносят и чествуют гораздо меньше, чем меня.

Латофобия, доведенная до абсурда, вызвала русофобию, грозящую дойти до абсурдных пределов. Не странно ли, не абсурдно ли, что Г.Г., устранившие меня от реальной возможности приносить пользу русскому делу, ныне именно меня готовы винить во всех своих неудачах? В просветительной и в бюджетной комиссиях ретивые латофобы Трофимов и Каллистратов провалили все то, что ранее было достигнуто депутатами и не страдавшими голою латофобией, а вину готовы валить на меня, что называется, с большой головы на здоровую, а русская общественность слепо готова внимать вещаниям слепых латофобов-демагогов.

Я получаю ругательные письма, в которых меня именуют предателем русских интересов, а общественность не разбирается, что не я предаю русских, а меня предали и предадут те, кого я защищал самоотверженно и совершенно бескорыстно. Я своей позиции не изменил не взирая на эти оскорбления, щедро расточаемые и в прессе, и на митингах, и иными путями. Отстраненный от всех дел мирского порядка я сосредоточил все силы на защите церковных интересов. В прошлом кризисном году я достиг того, что православная церковь охранена от ударов, постигших и немцев, и поляков, и лютеран, и католиков. Ведь вам ведомо, что рядом с проектом о Домской церкви существовал проект о сдаче Кафедрального собора под гарнизонную церковь вселатвий-

скую. Что в прошлом кризисном году, когда все бюджеты были сильно обрезаны, бюджет православной церкви был увеличен на пять тысяч лат. И в текущем кризисном году мною, несмотря на то, что я из комиссий устранен, достигнуто, что правительством в бюджете были внесены все ассигнования по масштабу нормальных годов. Если бюджетная комиссия наш семинарский бюджет урезала на 3 000 лат, то по предложению русского депутата Каллистратова, сделавшего это несомненно зависти ради. Зависти ради все меньшинственные депутаты голосовали против ассигнований на духовные семинарии, в том числе против ассигнования на православную духовную семинарию (по соглашению с социал-демократами). Я доказал, что при разумном отношении к делу и при нынешнем положении, достижения возможны. Православные интересы, защитником которых я являюсь, прежде всего сохранены полностью. Хотя она трактуется, и не без оснований, как церковь русская. Однако в дальнейшем я предвижу, что разгоревшаяся латофобия затруднит защиту церковных интересов, ибо против меня начинается определенное восстание как против латыша и в церковных кругах. Правда и это восстание не ново. Когда во время минувших предвыборных борений социал-демократы выступили против меня с гнусными инсинуациями, касавшимися моего прошлого в России, было установлено, что этими материалами их снабжает русская духовная среда. Я не обратил на это особого внимания по поговорке «семья не без уroda». Но ныне в компании, начатой против меня как вредного для русского дела латыша, принимает более широкие размеры с признаками прочной и широкой организованности. По моим сведениям, пасквили, выпущенные против меня в оборот под фирмой одной из русских организаций, распространены в 7 000 экземпляров и ими охвачена не только Латвия, но и широчайшие русские заграничные круги. Из России, Франции, Сербии, Болгарии, Америки, Германии, Эстонии, Литвы, Финляндии православные извещают меня о получении этих гнусных пасквилей. Нечего уже говорить о том, что в Латвии не пропущено ни одно сколько-нибудь видное лицо или лицо, имеющее то или иное отношение к церкви или ко мне лично. Постановка дела показывает, что делом занялись лица церковного порядка, при том знающие всех, кого я знаю: моих товарищей по семинарии и академии, моих друзей, даже моих родственников. Вниманием не обойдены ни братья мои, ни племянники, ни мои друзья по Сейму, ни мои учителя, ни мои единомышленники, ни враги. На распространение пасквилей затрачен не только громадный труд, но и громадные средства. Если перепискою пасквилей занимались добровольцы, то значит их не мало, если заготовлено печатанных на машинке 7 000 экземпляров. На рассылку, не сомневаюсь, требовались большие средства, ибо, например, конверты за границу отправлялись заказными письмами, как я вижу из возвращенных мне посылок в числе нескольких десятков. Уже самое содержание пасквилей показывает, что они русского происхождения, что они плод народившейся слепой латофобии.

Содержание пасквилей трафаретно, для духовного

ведомства обиденно. Старшие из вас, конечно, читали акафисты, составленные в свое время в поношение Преподобного Амвросия Харьковского, Преподобного Агафангела Рижского, потом Литовского, Преподобного Антония Санктпетербургского и прочее, прочее. Ведомы им пасквили, в свое время распространившиеся по всей России против св. Патриарха Тихона. Пасквили, пущенные в оборот против меня, не содержат в себе и десятой доли тех гнусностей, которые имелись в упомянутых произведениях духовной литературы. И в новое время например наши соседи в поношении преподобного Иоанна Печерского пошли гораздо далее наших пасквилянтов. Там ведь например пасквиль был обращен в судебное дело против пр. Иоанна.

Меня в пасквили интересует слепая латофобия. Цель пасквиля определенно ясна: скovyрнуть латыша, чтобы заменить его русским. В некоторых из пасквилей, возвращенных мне из-за границы, эта цель прописана черным по белому с указанием даже возможных кандидатов на мое место. Г.Г. и О.О., эта цель не идет в разрез с моими целями. Для достижения этой цели нам нет надобности прибегать к гнусному приему клеветы и пасквилей. Русские в пр. Церкви в Латвии составляют большинство. Если вам, г.г. русские, угодно удалить меня, достаточно вам заявить об этом мне честно и открыто. Я в любой момент готов уступить свое место вашему избраннику, уйдя на покой. То истязание, которому вы подвергаете меня, пред изгнанием, с одной стороны, вовсе не нужно, в ваших руках вся сила, а с другой стороны, оно и не заслуженно, если принять во внимание, что в течение прошлого я делал для вас все, что мог, не требуя от вас решительно ничего и не получая от вас решительно ничего, кроме вот таких плевков, как нынешний. вспомните, что я ведь и не просился к вам, а прибыл к вам во исполнение воли вашей и св. Патриарха. вспомните и то, что в течение десяти лет я никогда не возбуждал вопросов о себе лично в смысле удобств, содержания, почета и пр., вспомните и то, что я, щадя церковь и ее репутацию в крае, щадил многих из вас даже тогда, когда должен был бы карать, что я за вас и всех вместе взятых и порознь вступал в бой в самом буквальном значении этого слова. И ныне мне известны если не все, то весьма многие участники гнусного пасквильного действия, среди них есть лица пощаженные мною неоднократно. Я не только не намерен карать их, но воздерживаюсь даже от поименования их. Но для себя лично я сделал тот вывод, от которого уже не отступлю. Служить с вами, г.г. невозможно, и я ухожу от вас.

Фрагменты из обращения архиепископа Иоанна Поммера

Latv. PSR CVVA

Fonds № 7131 apr. 1

Lieta № 22

... А некоторые к вопросам церковным неизменно подходят со своею узкою партийною меркою и поддержку церковных прав и интересов ставят в связь со своими партийными целями, которые далеко не всегда таковы, чтобы церковь вне Сейма могла бы поддержать их. В

самую темную годину церковных бед враги церкви считали вернейшим средством ослабления и искоренения православной церкви в Латвии разжигание внутри церкви национального антагонизма между православными латышами и православными русскими. Всем памятно то время, когда православные латыши и православные русские ожесточенно спорили из обладания, например, Рижским кафедральным собором и власти объявили спорный собор достоянием государства, забрали ключи собора и по своему усмотрению предоставляли собор то латышам, то русским для совершения богослужений, а в случаях обострения отношений между спорящими не давали ключей ни тем ни другим и собор даже в нарочитые церковные дни был недоступен для православных. Именно в пору этой междоусобной между православными латышами и православными русскими свершались захваты православных святынь и церковных имуществ и в столице и вне ее посторонними православию юридическими лицами. Если бы не удалось ликвидировать раздутую врагами православия междоусобицу, разгром церкви достиг бы крайних пределов.

Этот урок жизни ныне забывается. То дело, которое ранее затеяли противники православия с определенной целью раскалывает, чтобы господствовать, ныне делают люди именующие себя православными и друзьями церкви – молодые русские политики. Не беремся судить, делают ли это они по своему почину или работают за мзду и по указке, но ясно, что затея их может быть только вредна и церкви и русскому меньшинству. Исподволь затеяна травля пастырей латышей, работающих в Латгалии на смешанных приходах и должностях административных, а в дальнейшем проектируется выделение русских Латвии из православной церкви в особую русскую церковь Латвии. Предположим, что затея увенчалась успехом. Каковы были бы последствия затеи? И акт патриархата Московского, касающийся Латвийской православной церкви, имеет в виду единую Латвийскую православную церковь. Если эта церковь расколется на две, то ни одна из них уже не в праве будет претендовать на то, что именно к ней относится и акт патриархата, и закон 1926 г., и статуты, действующие ныне, и обе церкви одновременно не будут подходить под помянутые канонические и юридические документы, ибо во всех этих документах мыслятся не две церкви, а лишь одна. Очевидно, обе вызванные к бытию национальные церкви оказались бы в положении и в каноническом, и юридическом смысле не урегулированном и обеим им пришлось бы начинать дело об узаконении своем и в смысле юридическом, и в смысле каноническом...

Но и старообрядцам, и православным эта фортель Каллистратова (подробнее см. – http://zarubezhje.narod.ru/kl/K_495.htm) в общей сложности обошелся не дешево: в 10 000 лат.

Дружественная прогрессистам (о политически партии подробнее – <http://shh.neolain.lv/seminar14/mednis.htm>) пресса уже не кричит о победах прогрессистов. Еще бы. Но тщательно с рекламными заголовками и подзаголовками печатает протесты прогрессистов и в

комиссиях, и в пленуме против утеснений, чинимых русскими, тщательно умалчивая при этом, какое влияние на ход дела оказали демагогические протесты и другие выступления прогрессистов.

Позволю пояснить дело примером. Когда коалиционеры увидели, какое впечатление произвел закон о языках в Латвии и вне ее, некоторые из них закаялись в затее. Это дало возможность повести переговоры о ликвидации злополучного закона. Решено было со всею скромностью, чтобы никого не раздражать, внести в Сейм безобиднейший законопроект об отсрочке вступления закона в силу с 4 марта на 15 апреля с целью дать возможность публично правовой комиссии обсудить закон о языках, изданный в порядке 81 статьи. Шиман (*прим.* лидер немецкой фракции (с 1927 г.?) Паулс Шиман) внес законопроект, сопроводив внесенные скромною корректною речью. Против передачи законопроекта в комиссию из 55 коалиционеров голосовали только 32. За передачу было подано 42 голоса. Таким же составом голосов была принята спешность законопроекта. На лицо была полная уверенность, что до 15 апреля злополучный закон будет переработан до полной приемлемости для меньшинств. Но тут всполошились наши прогрессисты: как это такое важное достижение пройдет без упоминания их имен. Параллельно законопроекту Шимана они немедленно внесли свой законопроект об отсрочке вступления закона о языках в силу не «в марте, не 15 апреля, а 1 января 1935 года». Внесение нового законопроекта было сопровождено демагогическими выступлениями прогрессистов с Кал. (листратовым?) во главе. Услужаящая им пресса воспроизвела с комментариями и иллюстрациями речи. Результат? Не только детище прогрессистов провалилось, но создалась атмосфера такого раздражения, что лица, ранее изъявившие готовность содействовать провалу закона о языках, заявили, что после выступления Кал(листратова) они меняют свое отношение к делу и содействовать провалу закона не будут, чтобы кто не подумал, что они испугались демагогии Кал(листратова). Пресса прогрессистов, разумеется, о таком исходе демагогических выступлений промолчала. Так печально сложились обстоятельства для меньшинств в настоящем сейме. Уже ныне потери меньшинств велики, между тем намечаются все новые и новые удары. В президиуме и комиссиях положение для меньшинств почти всегда безнадежное, когда же проиграно дело в президиуме и в комиссиях, защитить его в пленуме почти невозможно, ибо что такое пленум, как не отображение комиссий. Выступить против дела, принятого в комиссиях, труд почти всегда безнадежный и бесполезный, а подчас и вредный, как это показала неоднократно практика наших прогрессистов. Дело, проигранное в комиссиях, подобно позиции, сданной неприятелю и закрепленной неприятелем за собой. Когда позиция уже сдана и притом сдана меньшинством большинству, меньшинству ли оттягать ее в пленуме, где положение меньшинств обычно хуже во всех отношениях, чем в комиссиях. Даже те представители большинства, которые в комиссиях готовы делать уступки меньшинствам, потому что комиссияльная работа

протекает в более или менее сокровенной обстановке, в пленуме, где всегда играет громадную роль демагогические возможности. И такие уступчивые представители большинства становятся неуступчивыми. Особенно если к демагогии прибегают меньшинства, представители большинства боятся стать в положение струсивших, сдавшихся. Тем более, что в пленуме сильна партийная цензура.

Я доселе, учитывая наличные обстоятельства, воздерживался от демагогических выступлений и это по моему наблюдению для дела было только полезно: в потребных случаях благодаря воздержанию от демагогии я имел возможность выступать в мирные переговоры с представителями большинства и достигал путем мирных переговоров того, чего не достигнуть демагогией.

Когда дело шло о ликвидации меньшинственных отделов, мне удалось склонить некоторые правые группировки, совершенно недоступные демагогам, к голосованию против ликвидации отделов. Отделы уцелели только потому, что в комиссии против ликвидации их голосовали и правые: Эглит, Бирзшек и Пастор. Только благодаря такому же приему восстановлен помощник начальника русского отдела, ранее ликвидированный и в комиссии, и в пленуме. На таком же приеме провален в свое время законопроект об изгнании меньшинственных языков из Сейма. На таком же приеме мною достигнуто, что гонения на меньшинства, больно ударившие и по лютеранской, и по католической церквям (у лютеран Домское дело, у католиков ликвидация богословского факультета) по православной церкви пока не бьют. Мною достигнуто таким путем не только сохранение всех ассигнований на православную церковь в прежнем докризисном размере в текущем году, но и увеличение этих ассигнований: во все предыдущие годы мы получали по 22 000 лат, а ныне нами получено 30 000 лат. Мною достигнуто, что в бюджете будущего года все ассигнования на православную церковь внесены в полном размере. Одно из этих ассигнований по провокационным побуждениям уменьшили не наши политические враги, а свой же представитель в бюджетной комиссии. Вам, конечно, известно, что одновременно с делом Домской церкви было заготовлено и дело об отчуждении Кафедрального собора для надобностей гарнизона. Даже в пленуме Сейма за таковое отчуждение уже успели высказаться депутаты Целенс и Штерн с Брейкшем. Путем мирных переговоров мне удалось достигнуть, что проект был снят бесшумно. Путем мирных переговоров было достигнуто, что и злополучный закон о языках был бы ликвидирован, если бы не выскочили наши демагоги со своими проектами и речами. Как видите, путем воздержания от демагогии можно достигнуть большего, чем демагогией. Я лично на этом воздержании от демагогии, может быть, и проигрываю в среде своих избирателей, значительная часть которых одобряет демагогические выступления, но дело моих избирателей от этого воздержания только выигрывает.

Впрочем, это не значит, что я навсегда отказался от шумных выступлений. Иногда приносят пользу и

шумные выступления. Весною прошлого года путем шумного выступления я достиг проведения закона о пенсиях духовенству в таком виде, как это мне было желательно. Пенсионирование духовенства у нас стоит лучше, чем стояло в бывшей России и чем стоит во всех прочих новых государствах. Но я тогда выступил с шумом, наперед учтя все возможные за и против, и не ошибся в расчете. Я получил не только закон о пенсиях, но и нанес сокрушительный удар своим противникам марксистам в предвыборную пору. Сила удара была такова, что они почувствовали и на выборах, и чувствуют ее по сей день. Вы обратили внимание, что марксисты оставили меня в покое и в прессе, и в Сейме, ибо знают, что может последовать в любое время продолжение моей сеймовой речи с того места, на котором они меня остановили и это продолжение им более чем невыгодно. Однако в настоящее время такие выступления для нас невыгодны, как показали выступления наших прогрессистов, и я к ним пока не прибегаю. Когда будет возможно и нужно, не премину прибегнуть. Здравая парламентская политика требует верного расчета и учета: когда возможны достижения речью надо говорить, когда большие достижения дает молчание, надо молчать, выражая свое отношение к делу только верным голосованием. Что мы всегда и делали. Я располагаю весьма внушительным материалом относительно вождей нынешнего безумного течения меньшинствоведов, но если бы я ныне выступил с этим материалом, мне попросту не дали бы возможности доложить его Сейму те, кого он успел заразить меньшинствоведским психозом и заряд мой пропал бы даром. Когда психоз несколько поредеет, мой материал будет принят как основание для ниспровержения этих же самых вождей с благодарностью. Если я выступил бы со своими материалами ныне, люди, одержимые текущим психозом, посмотрели бы как на врага и ко мне и моим предложениям отнеслись бы как вражьи. При изменившихся обстоятельствах дело может обстоять совершенно иначе. Я по мере сил слежу за всем происходящим на политическом олимпе. Недовольство вождями растет. Избавления от них ждут. Падения ждут. Но для нас с вами важно не только само падение, но главным образом то, чего можно ждать по падении. Благоприятнее ли будет грядущее по падении, чем наличное? Споспешествовать падению с тем, чтобы настало еще нечто худшее, едва ли есть расчет.

Если наличную коалицию сегодня удалось бы свалить, какая коалиция придет на смену? С участием меньшинств? Едва ли. По моим наблюдениям будут приняты все меры, чтобы создать так называемую латышскую большую коалицию. В Сеймовой фракции соцдемов победило течение Пеленса. Это говорит о том, что пеленисты готовы войти в коалицию в случае падения нынешнего кабинета или реформирования его. Будет ли большая латышская коалиция более благоприятна меньшинствам, чем нынешняя? Я склонен сомневаться в этом. По крайней мере, в отношении области ближайшей, касающейся меня, т.е. области церковной, большая коалиция будет хуже нынешней. А в других областях? Лозунг: коалиция и правительство без меньшинств останется. Значит, и останется в силе это

наиболее чувствительное поражение меньшинственных прав, которое на лицо ныне. Меньшинства от участия в управлении страной как были устранены, так и будут. При вступлении соцдемов в коалицию некоторые группировки уйдут из нее. Кто уйдет? Наши враги или наши друзья? Несомненно, уйдут наши друзья, так что позиции наших врагов только окрепнут. Мне кажется, что только после опыта с большою латышскою коалицией настанет время коалиции с участием меньшинств. За создание такой коалиции едва ли возьмутся левые, которые вместе с меньшинствами составить свою коалицию не в силах, а восполнять недостающие голоса им пришлось бы, конечно, не правых кругов, а из кругов меньшинствоведов, что безнадежно во всех отношениях.

Очевидно восстановления коалиционных прав меньшинств возможно ждать только от правых, которые в любое время в союзе с меньшинствами могут соорудить солидную коалицию без участия профессиональных меньшинствоведов. Дело опять, как в начале Сейма, будет стоять за нашими прогрессистами. Если наши прогрессисты, наученные горьким опытом, примкнут к правой коалиции, она составит без участия меньшинствоведов.

Нам необходимо прозирать и в более отдаленное будущее, надо загодя думать о том, каков будет Сейм, который придет на смену нынешнему. Ныне торжествующий прогрессивный центр, несомненно, в нынешнем Сейме и своею меньшинственной политикой, и политикой хозяйственной успеет себя настолько скомпрометировать, что в грядущем Сейме он уже господином положения не будет. Усилятся крайние элементы вправо и влево. Мне кажется. Что жатва коммунистов будет особенно обильна. Особенно среди русских избирателей. Меньшинствоведская политика прогрессистов – это наилучшая агитация в пользу коммунистов. Им же сослужит службу и демагогическая тактика наших прогрессистов, демонстрирующая их бессилие, прежде всего. То, что в настоящее время они захватили в свои руки все влиятельнейшие позиции, будет особенно красноречиво говорить против них. Что делали и что сделали, чего достигли на своих позициях? Кричали громко, но из этого крика ничего, кроме вреда, не получалось. Ничего вы не приобрели, а только ранее не вами приобретенное растеряли.

Люди пойдут от них и вправо и влево. Но главным образом влево, потому что Ершов русским определенно сулит Россию, какую ни на есть Россию, а все-таки Россию. С Ершовым спорить будет трудно. Скажут ему, что в наличной России подавлена свобода, а он спросит: много ли этой свободы у русских в Латвии? Укажут на нужду, обдержавшую Россию. А он спросит: богато ли живут русские в Латвии и т. д. Из всех политических позиций его позиция среди русских будет самую выгодную и выигрышную.

**О меньшинственных правах. Против коммунистов.
Фрагменты из обращения архиепископа Иоанна
Поммера**

Latv. PSR CVVA

Fonds № 7131 apr. 1

Lieta № 22

О меньшинственных правах

Не только у нас в Латвии, но и всюду в парламентах, где вопросы решаются большинством голосов, положение защитников меньшинственных прав и интересов тяжело уже потому, что защитники меньшинства всегда составляют парламентское меньшинство. Для достижения меньшинственных целей в парламенте им приходится сколачивать нужное большинство голосов путем привлечения к голосованию за меньшинства депутатов, принадлежавших майоритарным кругам парламента. Достигнуть этого не легко. Второе затруднение в том, что нет прочно научно установленных общепризнанных норм меньшинственного права: что меньшинствам кажется бесспорным правилом, представители майората готовы считать беспочвенной претензией. К этим общего характера трудностям присоединяются чисто местные. Например, у нас в Латвии, где меньшинства составляют 25% всего населения страны, сила меньшинств в парламенте еще никогда не достигала 25%. Несоответствие парламентской силе меньшинств с силою их в жизни неизбежно ведет к тому, что парламентские достижения меньшинственных представителей всегда ниже желанной и полагающейся нормы достижений.

На последних парламентских выборах в Латвии меньшинства потеряли три мандата (Лазерсона, Майзея и Пигулевского), что составляет 15% былой их силы. Потеря силы должна была неизбежно повлечь за собою потерю в достижениях и повлекла. Такова логика парламентской жизни.

Одновременно с этою потерю в силе произошла и потеря в обстановке работы. В предыдущих парламентах для осуществления своих целей обычно вступали в союз с правыми группировками латвийских депутатов, в соединении с силою которых их сила давала всегда так называемое парламентское большинство. Но в то же время у меньшинств всегда была возможность придать свою силу к левым латышским группировкам и достигать через союз с левыми того, чего им не давал союз с правыми, ибо и с левыми меньшинства могли иметь парламентское большинство. Эта постоянная возможность использования в своих целях по усмотрению то правых, то левых создавало для меньшинств весьма выгодное положение, пользуясь по надобности то правым веслом, то левым, меньшинства, верно, приводили ладью своих целей туда, куда нужно было. Враждебный к меньшинствам шовинистический латышский центр не имел силы воспрепятствовать меньшинственным достижениям. В нынешнем парламенте обстановка работы сильно изменилась. Левое крыло настолько ослабело, что в соединении с меньшинственными голосами оно уже парламентского большинства не может дать. 28 левых голосов с придачею к ним 17 меньшинственных голосов дают общую сумму только в 45 голосов, т.е. число недостаточное не только для составления коалиции, но и для проведения сепаратных отдельных начинаний. Ближайшие соседи левых – латышские прогрессисты разных наименований – в

нынешнем сейме несколько усилились и в общей сложности дают силу в 17 голосов: 3 голоса группы Скенека, 6 голосов демцентра, пять голосов латгальских прогрессистов и трое одиночек: Лейкарт, Залите и Винтер. Эти 17 депутатов не прочь вступить в союз с союдами, но союз с меньшинственными депутатами под условием защиты меньшинственных прав и интересов для них совершенно немыслим, ибо это самые ярые противники меньшинств во всех предыдущих парламентах и успехи свои на выборах в нынешний парламент они обосновали главным образом на травле меньшинств в деле Ломкирхи, ополячения и пр. В начале нынешнего парламента обстановка работы была такова, что единственно в союзе с правыми меньшинства могли создать парламентскую силу благоприятную для меньшинств. В начале нынешнего парламента правая сила обрисовалась в следующем составе. Крестьянского союза – 14 голосов, латгальских христиан 8 голосов, 1 домовладелец, итого двадцать три голоса. К этим 23 надо придать еще группы правого уклона: девять новохозяев, пять христианских трудовиков и Фришмана, итого всего 38 голосов. Если бы к этой силе меньшинства в начале парламента решительно придали бы свою силу в 17 голосов, могло бы составить парламентское большинство в 55 голосов, достаточное не только для отдельных выступлений, но и для солидной правой коалиции. Если бы такая коалиция состоялась, то для меньшинств, по меньшей мере, был бы обеспечен статус кво – не идеал для меньшинств, но, во всяком случае, при нем меньшинственное бытие, особенно в пору предшествующих правых коалиций Целминя и Улманиса было поставлено лучше, чем когда бы то ни было до того и лучше чем у меньшинств в соседних новых государствах. Но еще до начала работы нынешнего парламента произошло нечто неожиданное. Русские прогрессивные депутаты (числом три) в местной прессе опубликовали свои беседы, из которых явствовало, что они уже успели связать свою судьбу и работу с латгальскими прогрессистами и союз с ними намерены поддерживать и в парламенте: «Программа у нас одна, избиратели живут в Латгалии, задачи у нас одинаковые». К прогрессистам же потянулся депутат Нурок, отец бывшего кабинета М. Скуенека. К прогрессистам же потянулись два поляка. Стало очевидно, что правой коалиции не бывать, ибо счет голосов 38 и 11 давал только 49 голосов. Ясен стал вывод, что в ближайшее время не бывать ни правому, ни левому правительству, что дирижерство в новом Сейме должно перейти к латышским прогрессистам, усиленным шестью меньшинственными голосами. Серединные группы, ранее тяготевшие вправо, поспешили присоединить свои голоса к прогрессистам. К союзу с прогрессистами, а не с правыми, естественно, потянулись и левые. Образовался внушительный союз прогрессистов и левых, ставший господином положения на время конструктивной работы Сейма. Этот союз прогрессистов и левых все время конструктивной работы Сейма вел себя диктаторски.

Правые вынуждены были уступить прогрессистам ряд постов и в президиуме, и в комиссиях. Правого

Ранцана в президиуме заменил прогрессист Паберж. Особенно последовательно и беспощадно решили расправиться с правыми русские прогрессисты. Было предрешено никого из правых русских не пропускать ни в президиум, ни в комиссии. Для большего впечатления от победы прогрессистов было решено выставлять и правые кандидатуры, но с тем, чтобы их провалить.

Когда эта предрешенная операция была проделана с депутатами Корнильевым и Шполянским, я отказался выставлять свою кандидатуру на какой бы то ни было пост, и заявил об этом председателю меньшинственного бюро. Моему примеру последовали и депутаты Корнильев и Шполянский, изведавшие опытно бесполезность выставления своих кандидатур и, кроме того, подвергнутые злостному осмеянию в симпатизирующей прогрессистам прессе. Наши прогрессисты шумно торжествовали победу. Их победы превозносились в прессе. Конечно, эти победы и были своего рода победами: прогрессисты заняли не только влиятельнейшие, но и доходнейшие позиции, обеспечивающие им жирное существование на три года. Но в смысле деловом и с точки зрения русских интересов, эти победы оказались не победами, а ловким маневром латышских прогрессистов, сыгравших на корыстолюбии и честолюбии русских прогрессистов злую игру, вредную не только русскому меньшинству, но и вообще меньшинствам. Вступив в союз с латышскими прогрессистами, меньшинственные прогрессисты сделали невозможным составление правого правительства, которое единственно при нынешнем составе Сейма могло быть более или менее благоприятно меньшинствам. Начались переговоры о составе коалиции. По принятому в парламенте модусу за составление коалиции прежде всего взялись левые. Не составили. Потом очередь перешла к Крестьянскому союзу. И правое правительство оказалось невозможным. За дело взялись прогрессисты и первым делом провозгласили лозунг: коалиция и правительство без меньшинств. Провозглашение этого лозунга было первым и решительным ударом по меньшинствам. Начиная с 1919 года, когда союзники, поддержавшие образование суверенной Латвии, выставили требование о обязательном участии в управлении страной представителей меньшинств, когда это требование Латвией было принято как обязательное, и в составе кабинета впервые были введены меньшинственные представители в лице г.г. Магнуса, Эргардта и Минца, меньшинства на свое участие в правительстве смотрели как на свое неотъемлемое право, принадлежащее им и в силу соглашения Латвии с союзниками, и по точному смыслу идеи демократии, конституции Латвии и ее законодательства.

Меньшинства не всегда считали необходимым посылать своих представителей в кабинеты, но в коалициях неизменно участвовали, почитая участие в коалиции не менее, но более важным, чем участие в кабинете, ибо коалиция следит и инструктирует кабинеты в целом. Участвуя в коалициях меньшинства, фактически участвовали в управлении страной. Лозунг прогрессистов является упразднением этого меньшинственного права, отстранением меньшинств от дела

управления страной. Отныне провозглашен лозунг господства большинства над меньшинством регулировать это господство через свое участие в наблюдении за осуществляющими это господство министрами.

Устанавливается самодержавие большинства, не ограниченное представительством меньшинства. Правительственные меры, прямо касающиеся меньшинств, имеют проводится не только без участия, но и без ведома меньшинств, по указам его величества большинства. Провозгласив такой антиконституционный и антидемократический лозунг, прогрессисты и составили и коалицию, и правительство без меньшинств. Что же предприняли меньшинственные прогрессисты своим союзом с латышскими прогрессистами, провалившие правое правительство с участием меньшинств и давшие возможность создаться этому новому порядку «без меньшинств». Они через депутата Иез. Трасуна доложили коалиции о своем праве и желании участвовать в коалиции прогрессистов, с которыми они мыслили в союзе, и союз, с которыми исповедали публично в печати. Что же ответили союзники прогрессисты своим союзникам из меньшинств? Союз с меньшинственными прогрессистами был надобен только на время конструктивной работы Сейма. За участие в союзе в пору этой работы меньшинственными прогрессистам богато заплачено местами в президиуме и комиссиях, а в дальнейшем союз с ними не надобен. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти. Сконфуженные меньшинственные прогрессисты выступили с опровержениями, что будто они в прогрессивную коалицию не ломались. Бедняги не поняли, что для них же было лучше, если бы было установлено, что они ломались в эту коалицию, ибо это было бы похоже на почтенную попытку отстоять право меньшинств на участие в коалиции и правительстве. Опровержением своим наши прогрессисты создали впечатление, что они в свое время вступили в союз с латышскими прогрессистами только на предмет получения теплых мест в президиуме и комиссиях, и как только получили эти места, прекратили союз с прогрессистами, развязав им руки на все их дальнейшие противоменьшинственные деяния. Не сообразили. Тогда получилось бы впечатление, что латышские прогрессисты поступили вероломно, а ныне получается впечатление, что русские прогрессисты вступили в противоестественный союз, чреватый бедами для меньшинств единственно из личной корысти и, получив желанное, наплевали на последствия. Как бы то ни было, и коалиция, и правительство без меньшинств составились и ныне из среды именно тех латышских прогрессистов, с которыми опрометчиво вступили в союз меньшинственные прогрессисты, и тем провалили правительство и коалицию с возможным участием меньшинств, Один за другим исходят законопроекты, клонящиеся к разгрому меньшинственных прав во всех направлениях. Принятие мер против прохождения всех таковых законопроектов лежит, прежде всего, на меньшинственных представителях в президиуме и комиссиях, ибо все эти законопроекты, прежде всего, поступают в президиум Сейма, а из президиума они поступают в комиссии, где решается их судьба, сдавать

ли их в архив Сейма или передавать пленуму.

В президиуме от меньшинств прошел благодаря союзу с прогрессистами депутат Павловский. Его положение в президиуме более чем жалкое. На одном из первых же заседаний Сейма ему поручено было доложить Сейму документ на государственном языке. По незнанию государственного языка выполнить свою обязанность Павловский не смог. Поднялся шум и вой. Раздались возгласы об удалении Павловского из президиума, и потому что он не знает государственного языка и потому что он бывший Царскосельский полицейский. Но воюющие быстро сообразили, что именно такой представитель меньшинств им в президиуме выгоден. Если он вздумает артачиться в президиуме, его можно выставить за двери в любой момент, но чтобы не потерять жирное место, он будет вынужден по всем вопросам вести себя тише воды ниже травы. В настоящее время у меньшинств как будто и есть свой представитель в президиуме, но с другой стороны, его как будто и нет, ибо он вынужденно безгласен.

Какую силу имеют наши прогрессисты в завоеванных ими влиятельных комиссиях Сейма? Правые их не поддерживают, ибо им правые обязаны провалом возможности правой коалиции. Союзные с ним латпрогрессисты не только не поддерживают их, но именно от латпрогрессистов исходят противоменьшинственные законопроекты. Левые иногда поддерживают, но не в целях поддержать среди меньшинств свой престиж и провести свои планы. Когда этого нет, левые сами не прочь выступить с противоменьшинственными законопроектами. Достаточно вспомнить законопроект левого Лукура об уменьшении пенсий русским пенсионерам ровно наполовину.

Нет ничего удивительного, что при таких обстоятельствах наши прогрессисты в комиссиях сдают одну меньшинственную позицию за другою, и не было еще позиции. Которую они сумели отстоять. Все те позиции, которые завоеваны в свое время при правых правительствах, правыми представителями ныне сданы прогрессистами. Своего министра в кабинете мы уже не имеем. Своего представителя в землеустроительной комиссии уже не имеем. Своих инспекторов школ уже не имеем. Своих цензовых комиссий уже не имеем. Место в малой Думе культ. Фонда потеряно. И так, по всей линии. Некоторые русские ассигнования потерял, например, институт университетских знаний. А Русская драма ряд ассигнований по русскому отделу. Все без изъятия ассигнования на русские дела обрезаны до последней степени. Достоин примечания, что немцы и евреи, пославшие в бюджетную комиссию правых представителей, сумели сохранить многое такое, чего лишились русские, и ассигнования на немцев и евреев во многих случаях не только в процентном отношении, но и в числовом выше ассигнований на русских.

Иногда поведение наших прогрессистов в комиссиях более чем странно. Пример. Православная духовная семинария подала в министерство смету духовной семинарии в прошлогоднем размере. Министерство полностью включило эту смету в бюджет. Никто в

бюджетной комиссии против нее не возражал. Вдруг Каллистратов выступил со странным предложением уменьшить смету на три тысячи лат с тем, чтобы эти три тысячи лат были переданы на старообрядческую духовную семинарию, еще не существующую. Каллистратов в данном случае мог поступить, так как поступил в свое время Кириллов: узрев в бюджете ассигнование на православную семинарию, он потребовал ассигновать такую же сумму на старообрядцев, что и было сделано. Но Каллистратов не захотел воспользоваться этим прецедентом. В результате православные вместо 10 000 получили только 7 000, а старообрядцы вместо 10 000 только 3 000. Может быть, Каллистратов надеялся, что я буду протестовать против такого его поступка и дам ему возможность объявить старообрядцам, голосовавшим за меня, что я протестовал против ассигнования старообрядцев. Но я не протестовал...

Против коммунистов

Трудно себе представить себе что-либо более дикое, чем та травля, которую направили против меня враги моих пасомых и в выборное время, и в парламенте. Израсходован целый лексикон грубейшей брани, в ход пущена гнуснейшая клевета, угрозы, бойкот, вся сумма озлобления против моих пасомых преподнесена мне. Но парламентскую трибуну мы завоевали, и она использована во благо пасомых. Юридическое положение Православной церкви в Латвии законом 1926 года оформлено. Мы уже не вне закона, права наши приравнены правам прочих исповеданий. Многие из умерщвленных церковных организаций и учреждений воскрешены и работают. Воскрешенная духовная семинария уже сделала первый выпуск кандидатов священства. Многие отторгнутые церковные имущества уже возвращены, возвращению других налажен путь. Наши святыни и ценности, казалось, безнадежно затерявшиеся в СССР, в значительной части уже получены обратно, возвращение остальных уже не безнадежно. Открытыми и решительными протестами перед правительством и с сеймовой трибуны, энергично поддержанными и местною, и заграничною прессою, не раз достигнуто то, что враждебной руке, уже занесенной над нами, приходилось опускаться со срамом. Совокупными усилиями православных и старообрядческих депутатов достигнуто, что во всех важных для нас сеймовых комиссиях и в среде правительства имеются бдительные стражи наших прав, достоинства и интересов. Достигнутое в культурном фонде принципиальное решение о распределении благ между нациями пропорционально их численности, является благом почином на пути уравнивания прав национальностей. Представительство за отдельных пасомых и избирателей и в кабинете министров, и в Сейме показало, что и произволу в отношении отдельных лиц, хотя бы принадлежащих к «малым сим», может быть положен конец. Поддержанными прессою и общественностью, открытыми решительными выступлениями против приспешников коммунизма достигнуто и доверие и благожелательство всех не красных кругов. Все такое побудило не только прежних моих избирателей, но и связанных с нами общностью бед и чаяний старообряд-

цев, поставить мое имя во главе избирательных списков «православных, старообрядцев и русских объединенных организаций» (№ 23). Взнимая зову долга и зову моих подзащитных, я отлично сознаю, что опять накликаю на себя марксистский террор всех видов. Уже сейчас по мне выпущен целый ряд марксистских снарядов, начиненных самую гнусною клеветою. Мы располагаем для разоблачения марксистской клеветы и документами, и свидетелями, но так как в роли клеветников выступают марксисты, недостижимые ныне для суда, забронированные депутатскою неприкосновенностью, то привлечение их к судебной ответственности будет возможно лишь после выборов, когда броня неприкосновенности с клеветников будет сорвана, пока мы вынуждены положиться на то, что избиратели и до суда сами разберутся в гнусности марксистского предвыборного приема. Российские массы только потому и подпали кровавому яру марксистской диктатуры, что своевременно не сумели разобраться в (...), лжи и провокаций марксистов, среди которых на самых гнусных ролях всегда были товарищи наших марксистов и сродники их.

С трибуны Сейма я уже дал длинный список российских палачей и кровавых комиссаров из наших марксистов, стяжавших себе на весь мир позорную известность кровожадностью, истязаниями, грабежами, всеми видами обмана, лжи и провокации. Некоторые из них и поныне свирепствуют в пределах Руси, но многие из них возвратились в родные латвийские пределы и здесь обманами, ложью и всевозможными другими марксистскими приемами подготавливают почву для водворения марксистского ада по Московскому образцу, для закрепощения масс за жадными и кровожадным «красным дворянством». За десять лет существования Латвии красные крепостники успели несчетное число раз обмануть и крестьян, и рабочих, и служащих всех родов. Все они делали только для своего личного благополучия: из нищих стали миллионерами. Владельцами недвижимости и капиталов, самые доходные посты они сумели закрепить за собою, а безработные, безземельные и малоземельные как были, так и ныне есть, и красным крепостникам они удобны и нужны именно таковыми для травли противников. Кого из общественных работников марксисты не забрасывали грязью гнуснейшей клеветы? Их избличали и с трибун, и в печати, и на судах. Но что профессиональным клеветникам избличения? Что чужая честь палачам, промышленяющим отнятием жизней. А ведь все наши марксисты или палачи, или «товарищи» палачей.

**Письмо рижских "движенцев"
к старшему секретарю РСХД
Александру Ивановичу Никитину**

Latv. PSR CVVA
Fonds № 7131 apr. 1
Lieta № 43

Многоуважаемый и дорогой Александр Иванович!
(Никитин Александр Иванович (1889–1949). Родился в

России. Активный член общества «Маяк» и Христианско-союз молодых людей (УМСА) в России. В эмиграции в Болгарии, затем переехал во Францию. Секретарь Болгарского студенческого христианского движения (ок. 1922 г.). Один из организаторов и руководителей Русского студенческого христианского движения (РСХД) в эмиграции. Один из устроителей в 1923 г первого организационного съезда РСХД в мест. Пшеров (Чехословакия). Старший секретарь РСХД (1931)). Мы – рижские «движенцы» (прим. движенцами наз. Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД), в Латвии и Эстонии образовалась в 1927 г.) или, как нас здесь называют «единенцы», все время находимся под сильным впечатлением общения с вами на последней Рождественской конференции (прим. декабрь 1930 г.?) и тех чудных бесед, которые Вы вели с нами. Но чем сильнее это впечатление, тем более сильное возмущение, которое охватило нас после той гнусной сплетни, которую распустил про Вас наш «великий» Владыка Иоанн. Не знаем, чем он руководится, распуская про Вас эти сплетни, оснований которым у него не было никаких. Может быть, Вы всего не знаете, но мы считаем своим великим долгом разоблачить эту сплетню, чтобы Вы и в Вашем лице вся русская эмиграция наконец узнала, что представляет из себя «великий» рижский архиепископ Иоанн, и каково его внутреннее моральное содержание. Ведь русская эмиграция издали так очарована им, что кажется готова уже теперь возвести на престол Всероссийского Патриарха, с чем он в своем упоении спит и во сне видит, и митрополичий белый клобук его уже не удовлетворяет. Но будем верить и надеяться, что Господь избавит русскую церковь от подобного, с позволения сказать, иерарха. По справедливости, нельзя отказать ему в уме, и благодаря этому им кое-что сделано для пользы православия; но, когда это делалось, поверьте, делалось это не для пользы дела, а для возвышения собственной персоны в глазах мира и для удовлетворения его непомерной, чисто бесовской гордыни. Он окружил себя бесцветными, бездарными личностями, вроде о. К. Зайца (прим. подробнее – <http://www.mitropolia-spb.ru/-vedomosty/n26/07.shtml>) и о. И. Янсона, потому что около себя он не выносит умных и ярких людей, Так, он не допустил возвращения из России бывшего настоятеля Собора, протоиерея о. Владимира Плиса, академика, чудного оратора, распуская про него сплетню, что будто о. Плис уклонился в обновленчество. Еще он не допустил назначения настоятелем Двинского Собора о. протопресвитера Шавельского (подробнее – <http://www.-krotov.info/history/20/1920/kostrykov2006.htm>), заявив двинчанам, что будто бы Латвийское правительство противится его назначению из-за близости его к покойному императору Николаю II. А на поверку оказалось: г. Министр внутренних дел Латвии Лайминь, прямо заявил двинчанам, что назначение о. протопресвитера Шавельского в правительство и речи не было, а если и была речь, то, все были бы за назначение о. Шавельского, а не против, т.к. сам г. Лайминь, как полковник генерального штаба, считает себя учеником о. Шавельского и самого высокого мнения о нем. Еще он после противится возвращению из Таганрога протоие-

рея Березского, очень талантливого пастыря, академика, дивного проповедника. Конечно, обвинение то же самое: обновленчество, хотя тут, как и в случае с о. Плисом, обвинение ложное. Вся русская эмиграция твердит, что в лице архиепископа Иоанна она имеет своего ярого защитника, но эта защита простирается до тех пор, пока об этой «защите» будут писать в газетах и произносить имя архиепископа Иоанна. Но не сунься бедный эмигрант со своими нуждами и личными горестями – наобещает много, но ничего не сделает. А бывает и так, что просто прогонит, не выслушав просьбы. Мы могли бы назвать целый ряд лиц, которым он мог бы и должен был бы помочь, но по полугодиям водил за нос и ничего не сделал. Эти лица, которые еще так недавно боготворили его, теперь не иначе называют его, как обманщиком и презирают его. При его громадном уме прямо непонятно, как он может быть нетактичным: особенно любит он на торжественных трапезах чуть не часами громогласно поносить архиереев русской церкви и даже тех, которые своею мученическою кончиною и своею кровью смыли свои человеческие недостатки. Обычно бывает, что после таких «бесед» слушатели расходятся в самом угнетенном состоянии духа и, к сожалению, у нас в Риге нет никого, кто бы дерзнул прямо в глаза указать ему на нетактичность подобных информаций. Конечно, все это делается без задней мысли; смотрите, мол, какие все архиереи дрянь, только я один хорош... а насколько он хороший, говорят красноречиво его циничные беседы, которые он ведет с дамами рижского бомонда на торжественных обедах. О, как краснеет безгласное рижское духовенство, слушая «остроумие», очень дешевое, своего «благостнейшего» архипастыря. Скажите, хоть раз отслужил ли он панихиду по своим предшественникам – Агафангелу, Иоанну и Платону. Правда, по архиепископу Агафангелу была однажды панихида, была сказана сухая, бледная речь, но в местном духовном журнале не было ни строчки, посвященной светлой памяти этого выдающегося Святителя русской церкви, так много сделавшего в свое время на рижской кафедре для защиты слабых и угнетенных. Он поселился в подвале Кафедрального собора и этим, вот уже десять лет носится, носится, как с писаной торбой. Этим, мол, он протестует против передачи архиерейского дома католикам. Он настолько скромен в своих личных требованиях, что не допускает даже нанятия для него келейника. Но, если присмотреться к нему поближе, то вся эта обстановка доставляет ему большие удобства, чтобы скрывать свои романические похождения. Неоднократно случайные прохожие по площади были невольными зрителями, как архиепископ по ночам выпускал из своего погреба через калитку, прямо на площади, дам. Всему городу известен его первый роман с очень изящной дамочкой – женою бывшего губернатора М... Вероятно, этот роман продолжался бы до сих пор, если бы эта барышня не вела себя так вызывающе, всюду подчеркивая свою близость к рижскому Владыке и, если б на одном вечере не поколотили бы ее, причем громогласно упоминалось высокое имя архиепископа. Затем начинался роман с одной начальницей гимназии, которая после одного

визита в подвал Рижского Владыки пролежала целую неделю больной.

Затем его роман с очень изящной барынькой А.М., женою инженера-эмигранта, которая первая стала разносить по городу, что архиепископ справил ей белое (...), засыпает шоколадными конфетами и раскуривает с ней дорогие папиросы. В нашем женском монастыре его имя прямо наводит ужас: бедная матушка игуменья прямо боится посылать к нему девочек из приюта носить обеды. Этих девочек он раздевает догола и производит с ними всевозможные манипуляции, вплоть до французской... Теперь он приблизил к себе одну девочку, в этом году окончившую гимназию, М.Б., которая сперва была большой его поклонницей, а теперь состоит членом нашего «Единения», отзывается о нем с какой-то непонятной ненавистью, но, если иметь в виду вышесказанное, то можно себе предположить, чем эта ненависть вызвана... у нас в «Единении», как-то сторонятся ее, боясь, не есть ли это провокация, устроенная самим же архиепископом. В последние два года исторический соборный погреб стал только номинальной резиденцией архиепископа; на самом же деле он живет на архиерейской даче в 8 км. за городом, и тут он ведет жизнь отшельника. Для ведения хозяйства из того же монастыря командированы две монашки – старенькая и молоденькая. О последней, Е., – тоже носятся по городу всевозможные слухи, с большой примесью седьмой заповеди. Недаром 21 мая он получает анонимные письма «с дорогой племянницей». Характерно очень такое обстоятельство: на этой даче существует очень чтимая всеми рижанами церковь Иоанна Крестителя. В довоенное время, пока архиепископы жили на даче, в престольный праздник, 24 июня, литургия всегда совершалась архиепископами, а во все воскресные и праздничные дни регулярные богослужения. Много разрушено по Латвии храмов за военное время; большинство из них восстановлены; архиепископ выезжает на их освящение, – а вот своя церковь на даче по сие время стоит в полном запустении: не только сам архиепископ не совершил хотя бы один раз в лето службы. Хорош монах, который допускает такое запустение своей же церкви и, который не чувствует в своей душе потребности помолиться в своем-то храме... После последних выборов в Сейм, когда он попал туда при больших напряжениях и духовенства и оставшихся ему немногих преданных людей, он повел слишком странную политику: 1) резко разошелся с другими русскими депутатами Сейма и видными представителями русской общественности; 2) официально принадлежал к оппозиции, в то время, как коалиция повела политику ущемления прав меньшинств, он ни разу не выступил в защиту меньшинственных интересов, очевидно забыв, что русским голосам он обязан своим депутатским мандатом. Получается такое впечатление: пробудет он в Сейме третье трехлетие, заслужит себе пожизненную пенсию в размере 600 лат в месяц, а потом на русских ему наплевать. Это особенно ярко подчеркивается теперь, когда все русское население Латвии ждет, не дождется, что с трибуны Сейма, наконец, раздастся мощный голос архиепископа в защиту прав русских на их

родной русский язык. А русский депутат архиепископ Иоанн в кулуарах Сейма играет в шахматы. См. газету «Сегодня» от 24/11.

«Превозносите вы, русские эмигрантов, после этого «защитника русских», готовьте ему после этого Всероссийский Патриарший крест, украшайте его главу белым клобуком...» Еще отличительная черта архиепископа – он никогда хорошо не говорит о других. Он все про других знает, причем, самое гадкое, низкое, отвратительное; ему ничего не стоит облить другого ушатом помоев. Его соборный погреб стал каким-то свалочным местом, куда сносится всякая сплетня, всякая грязь, всякая ложь... недаром у нас явилась поговорка «врет, как архиепископ». И вот, после всего этого, на другой день после вашего отъезда в Эстонию, когда мы все Вас провожали на вокзале, он стал про Вас говорить, что: Никитин не уехал, он провел ночь в гостинице с бабой, он масон, большевистский агент, он провокатор и т.д. и т.п. Этот факт потряс наши души, подорвал всякое доверие к архиепископу. Теперь уже не приходится говорить о том чувстве благоговения и поклонения, которое мы проявили его высокому сану Святителя. Мы считаем своим священным долгом довести до Вашего сведения все вышесказанное и будем очень рады, если Вы найдете способ реагировать на столь гнусный поступок архиепископа. Конечно, вы, как истинный сын православной церкви не можете привлечь его к судебной ответственности за распространение всяких слухов, порочащих Ваше честное имя, да это было бы и бесполезно, т.к. его защищает звание депутата. Но у вас несомненно найдутся другие способы, как показать пред всем светом, что в действительности представляет из себя архиепископ Иоанн и, каково его внутреннее и моральное содержание. Пора его разоблачить. Пора его проучить, если он забыл, как его учила большевицкая ЧК.

Ваши искренние почитатели, рижские «Движенцы».

**27 мая 1935 г. Ковно (Литва). Церковная политика.
Послание митрополита Елевферия
латвийскому Синоду**

Распоряжение Московской Патриархии

Преосвященному Митрополиту литовскому и Виленскому Елевферию, Управляющему Русскими церквами в Западной Европе.

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и при нем Патриарший священный синод слушали: предложение его блаженства о том, что за смертью преосвященного Архиепископа Иоанна Поммера, Рижская кафедра до сих пор вдовствует и Латвийская паства остается без архиерейского окормления. Временное управление Латвийской епархии следует возложить на Преосвященного Митрополита Литовского и Виленского, Управляющего нашими церквами в Западной Европе, поручив ему выяснить отношение Московской Патриархии, оставшегося в Латвии, сохраняющего каноническое послушание своему законному священноначалию в лице Московской патриархии. Определением своим от 5-го апреля 1935 г.

за № 38 Постановили: по содержанию предложения уведомить Преосвященного Митрополита Литовского, Управляющего русскими церквами в Западной Европе, к исполнению, указом. О чем и посылается вашему Преосвященству настоящий указ.

6 дня 1935 г. № 524

Заместитель Патриаршего местоблюстителя, Сергей, митрополит Московский.

Управляющий делами Священного Синода протоиерей Александр Лебедев.

Церковная политика

Напечатанные документы – суть тексты подлинных посланий: Московской патриархии литовскому митрополиту и литовского митрополита Латвийскому Синоду. Оба послания самым непосредственным образом затрагивают интересы и судьбы православной церкви Латвии. Оба они касаются самого живого, что есть сейчас в этой церкви, и что волнует тысячи прихожан, тысячи верующих. Эти послания говорят о церковной разрухе, внутренних распрях и неурядицах, возникших в связи с избранием нового архипастыря. Эти интересные документы, спрятанные от глаз общественности теми, кто присвоил себе право говорить от имени тысяч прихожан, кто сделал из церкви ловушку для завлечения и обмана честных людей; кто отдал церковь под «высокую руку» политической власти, политических заправил, существующего режима гнета и обмана. Тысячи русских людей стали жертвой обмана. Тысячи русских людей, еще верующих в Бога и в церковных пастырей, одурачены этими пастырями. За их спиной идет бесстыдная торговля, злобная толкотня конкурентов, чудовищные растраты общественных денег, собранных по копейке верующими бедняками. Идет политическая игра министров и богатеев. Но отцы церкви, в тесном союзе с этими министрами, знают, что делают. Им нужны прихожане послушные, покорные слуги церкви и государства, а не свободные люди с правом собственного мнения. С легкой руки архиепископа Иоанна, в латвийской православной церкви глубоко укоренился обман. Это архиепископ Иоанн сознательно обманул церковь, заявив, что она независима от московской патриархии. Это Иоанн разыгрывал из себя самодержавного церковного владыку. Это Иоанн, яростный враг Советского Союза, отождествил московскую патриархию с советской властью и самовольно порвал каноническую связь с Москвой. Обман раскрылся после его смерти. Когда пришлось выбирать нового архипастыря, оказалось, что латвийская православная церковь канонически подчинена московской патриархии. Но, оторвавшись от Москвы, она не пристала ни к какому другому берегу церковной власти. А между тем, по канонам, церковная жизнь сосредоточена во епископе. Нет епископа, нет должной церковной жизни; она в расстройстве. И вот мы видим, как больше года латвийская православная церковь топчется на месте. В поисках выхода отцы церкви мечутся по Европе и ищут покровителя. Следуя заветам Иоанна, они отрещиваются от Москвы, и это, невзирая на то, что московская патриархия единственная, канонически законная власть, ибо она

«дала бытие латвийской православной церкви, окормляла ее назначением ей епископов и возглавила ее приснопамятным арх. Иоанном». Но отцы церкви не такие простаки, как это принято о них думать. Они знают, что делают. В содружестве с фашистской властью они источают злобу против московской патриархии, очевидно полагая, что большевики управляют митрополитом Сергием и московским синодом. Фашистское правительство никогда не было другом Советского Союза. Это естественно. Смешно думать, что господа Ульманисы и Балоды, разжиревшие кулаки из Латвийского Союза молочных хозяйств и толстосумые фабриканты из «Ригас Аудумс», «Майкапар» или «Лайма» потеряют хотя бы частицу той злобы и ненависти, которая годами клокочет в них против народов Советского Союза и делает из них верных приверженцев Гитлера. А потому ясно, что у них ищут отцы церкви защиту от покушений митрополита Сергия и с их благословений «подчиняясь поспешному чувству» преградили дорогу в Ригу митрополиту Елевверию (см. – http://zarubezhje-parod.ru/gi/e_004.htm) и схватились за «спасительную руку» вселенского патриарха.

1935 г. 27 мая Ковно

Послание Преосвященнейшего митрополита Елевферия Латвийскому синоду

Посылая Вам копию Указа Московской Патриархии о назначении меня р. Управляющим Латвийской Церковью, я личным письмом уведомил о. Председателя Синода о том, что если будет угодно Богу, я приеду в Ригу утром 26 сего мая для ознакомления с церковными делами, желая начать это великое дело молитвенно, совершением Богослужения. Неожиданная моя болезнь заставила меня особым уведомлением о. председателя отложить назначенный приезд. И здесь надлежит усмотреть волю Божию, ибо, если по благовестию апостола Павла вообще в жизни христианской «Бог производит в нас и хотение и действие по Своему благоволению» (Филипп. 2:13), то тем паче в устройении церковной спасительной жизни. Указ Патриархий

несомненно есть очень важное событие для Латвийской Церкви и, быть может, неожиданное для Вас. А такие события чаще всего на время ударяют по спокойствию разума ответственных лиц, который уступает свое господствующее место неопределенному поспешному чувству, в своей непосредственности подсказывающему иногда большие, подчас трудноисправимые впоследствии ошибки. Думаю, что и Вас не мало смутили Указ и мое письмо. Для меня было очень прискорбно, если бы я, по прибытии к Вам, нашел Вас такими, какими не желаю, также и вы нашли меня таким, каким не желаете (2 Кор. 12:20); для Вас же было бы небезопасным в духовном отношении, если бы я не встретился с Вами лично, и совсем греховно, если бы под каким-либо предлогом не могло совершиться наше молитвенное общение пред невидимым Главою церкви, Иисусом Христом. На это нет воли Божьей. «Не думайте, что мы оправдываемся пред вами. Мы говорим перед Богом, во Христе, и все это, возлюбленные, к вашему назиданию» (2 Кор. 12:19). С тех прошло уже семь дней (священное число), – время достаточное, чтобы чувство уступило первенствующее место спокойному обсуждению совершившегося события (Иоанн. 20:25) и каноническому осознанию его. Надеюсь на такие в Вас духовные состояния, я обращаюсь к вам с сим архипастырским посланием. Без всякого прекословия, неожиданная и, по обычному человеческому пониманию, крайне тяжкая смерть Вашего Архипастыря, произвела глубокое в ней потрясение, по слову спасителя: «поражу пастыря, и рассеются овцы стада» (26:31) (прим. Матф. – «Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада»). По слову Божью, смыслу свв. канонов и пониманию свв. Отцов, церковная жизнь сосредоточена во епископе. Нет епископа, нет должной церковной жизни, она в расстройстве. Мне нет нужды Вам это пояснять, Вы сами видите, и чувствуете это. Во избежание такого прискорбного явления в церкви, 4-й Вселенский Собор 25-м правилом повелевает, чтобы церковь-епархия, после смерти ее епископа, оставалась вдовствующей, не более трех месяцев. Латвийская церковь уже вдовствует свыше шести месяцев. По «Уставу Православной церкви в Латвии» церковная жизнь в своих существенных, главнейших сторонах должна протекать в строгом согласии с требованиями св. писания и канонов Православной Церкви (47,52, 66 и 95 ст. ст.), а в потребных случаях с обращением «к высшей канонической власти» (60 и 60 ст.). В настоящем крайне затруднительном положении существеннейшая нужда Латвийской Церкви есть каноническое возглавление ея архипастырем. По правилам последнего Поместного Всероссийского Собора и Уставу Латвийской Церкви Архипастырь должен быть избран Церковью. Но Церкви без епископа, хотя бы вр. канонически управляющего, нет, ибо она в каноническом епископе; без такого епископа не может быть канонически собран собор для избрания, без него не может происходить самое избрание иерарха; а утверждение избранного и его посвящение согласно свв. канонам, требует обращения к высшей канонической власти. Какая же высшая каноническая власть для Латвийской Церкви? Единственно Высшая власть той

Поместной Церкви, которая дала бытие, т.е. образовала Латвийскую Церковь, окормляла ее назначение ей епископов, и возглавила ее приснопамятным Архиепископом Иоанном, эта Высшая Каноническая Власть – ныне Московская Патриархия. Она шесть месяцев ожидала обращения Латвийского Синода к себе с докладом о смерти своего архипастыря и просьбою дать возможность Латвийской пастве канонически возглавить вдовствующую церковь каноническим иерархом. Не получив такого обращения, и боясь ответственности перед Богом за дальнейшее расстройство церковной жизни и потому озабоченная долгом дать ей канонически спасительный строй, Московская патриархия и назначила меня врем. Управляющим Латвийской Церковью, чтобы каноническим путем совершить ее возглавление. Отсюда, я уже являюсь каноническим носителем власти во вр. Упр. Латвийской Церковью по полномочию Высшей канонической власти Матери-Церкви и не только ея, но и всей Вселенской Православной Церкви, ибо она исполняет волю Последней, живущую во свв. канонах Вселенских Соборов. Этого совершившегося важнейшего события для латвийской Церкви уже нельзя вычеркнуть из истории, не признать его несуществующим для Нея, без пагубной опасности выпасть из состава Вселенской Церкви, если решится идти против свв. канонов воли Ея. Признать это событие как волю Вселенской Церкви есть повелительный долг для церковного сознания. Божьей волею, вступая во временное управление Латвийской Церковью, я считаю первой и последней заботой о ней, когда и окончится мое каноническое полномочие, произвести законные выборы и посвящение желаемого и достойного ей Архипастыря. Я как архипастырь, управляющий церковью в соседнем с Латвией государстве, по опыту знаю, что церковная жизнь в самостоятельных новообразованных соседних государствах нуждается в несколько ином порядке, в более расширенных правах сравнительно с мирным временем. Наша Патриархия, возглавляемая Блаженнейшим м. Сергием, вполне сознает нужду в этих жизненно-церковных мерах и всегда охотно идет навстречу им. Говорю я об этом по личному опыту. Непрерывно находясь в канонически-

благодатном общении с Матерью Церковью, с тех пор как возглавитель Ея, восемь лет тому назад, получил право свободного сношения с заграничными епархиями, и видел от Ея Священноначалия только одно самое внимательное отношение к себе и возглавляемой мною церкви. Неизменно совершается заботливое попечение благодатной Матери с благодатной Ея дочери. Поэтому, повелевает мой Архипастырский долг, и лично я желаю видеться с Вами, членами Синода «и поговорить устами к устам» (2 Иоан. 14) (прим. стих 12, а не 14) надлежащее узнать о Вашем церковном положении, о Ваших нуждах и желаниях и принимая все во внимание, озаботиться, чтобы, совершив главнейшие для Церкви Вашей дать ей и все нужное и возможное для благоуспешной церковной жизни при государственных условиях. Господь судил мне сеять каноническое семя, Вам в каноническом сознании принять его, дабы будущий избранный Вами благодатный иерарх явился достойным жителем на Латвийской ниве Христовой. Тогда, по неложному слову пастыреначальника Христа, «и сеющий, и жнущий вместе радоваться будут» (Иоан. 4:35) (прим. стих 36, а не 35), и приемлющее семя получают от него благословение и похвалу. Представляя свое каноническое послание Вашему церковному долгу и каноническому сознанию, я хочу знать, желаете ли вы получить от меня, Вашего архипастыря, благословение, быть в личном непосредственном молитвенном общении со мною и в мире Христовом побеседовать о наилучшем устройении церковных дел, чтобы выполнить поручение патриархи о выяснении отношения «Церковного Управления» к ней в лице ея канонического для вас священноначалия. Предлагаю Синоду дать мне свой ответ на последнее в ближайшее время и не позднее 15 июня с.г. «Бог мира да усовершит вас во всяком добром деле, к исполнению воли Его, произведя в вас благоугодное Ему чрез Иисуса Христа; Ему слава во веки веков, Аминь» (Евр. 13:20-21). Призывая на Вас божье благословение, с любовью к Вам остаюсь Ваш

Митрополит Елевферий

1935 г. 27 мая Ковно